

Федеральное государственное автономное  
образовательное учреждение высшего образования  
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт

Кафедра культурологии

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

\_\_\_\_\_ Н.П. Копцева

« \_\_\_\_\_ » июня 2017 г.

## **МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ**

50.04.03.01 Проблемы теории, методологии и художественной  
практики

### **ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ АНОМАЛИЙ В ИСТОРИИ МИРОВОГО ИСКУССТВА**

Научный руководитель \_\_\_\_\_ к.филос.н, доцент К.В. Резникова

Выпускник \_\_\_\_\_ К.А. Кичеева

Рецензент \_\_\_\_\_ А.И. Сокульский

Красноярск 2017

Продолжение титульного листа МД по теме «Динамика художественных образов антропологических аномалий в истории мирового искусства».

Нормоконтролер \_\_\_\_\_

Е.А. Сертакова

## РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация по теме “Динамика художественных образов антропологических аномалий в истории мирового искусства” содержит 90 страниц текстового документа, 1 приложение, 92 использованных источника.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ, НОРМА, ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ, ЯПОНСКОЕ ИСКУССТВО, ГОМОСОЦИАЛЬНОСТЬ, ГОМОРОМАНТИЧНОСТЬ, ФЕМИНИЗМ, МАСКУЛИНИЗМ, ГЕНДЕРНАЯ ТЕОРИЯ.

Цель данного исследования - выявление закономерностей в специфике отношений между антропологической аномалией гоморомантичности и её культурой-носителем посредством изучения художественных образов.

Задачи исследования:

1. Изучить и описать специфику антропологических аномалий, историю их изучения, а также их континуально обусловленную динамику.

2. Проанализировать роль выбранной культур-антропологической аномалии гоморомантичность в мировом искусстве и культуре.

3. Проанализировать художественные образы конкретной антропологической аномалии в контексте исторического развития форм японского искусства. Обработать полученные данные и сформулировать гипотезы относительно возможной корреляции динамики художественных образов и динамики форм изучаемой культуры.

В результате была изучена динамика образов антропологических аномалий, сделаны выводы. Разработан инфографический метод для работы с качественными данными в гуманитарных исследованиях.

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение .....	5
1. Антропологические аномалии как актуальное явление человеческой культуры .....	10
1.1. Специфика понятия “аномалия” .....	10
1.2. Изучение антропологических аномалий .....	14
2. Гоморомантичность как аномалия культуры .....	25
2.1. Гоморомантичность как условная антропологическая аномалия как фактор гуманизации общества. Гендерно обусловленная гегемония и гомосоциальность .....	26
2.2. Гоморомантичность как агент социализации .....	29
2.3. Типология гоморомантических образов .....	31
2.4. Динамика гоморомантических образов .....	34
3. Гоморомантические образы в искусстве Японии .....	46
3.1. Для чего необходимо изучать японскую гоморомантическую культуру .....	46
3.2. Гоморомантичность и гомосексуальность в Японском обществе ..	48
3.3. Гоморомантические образы в произведениях японского искусства. Гоморомантическая эстетика Японии .....	54
3.4. Анализ полученных данных .....	66
Заключение .....	77
Список использованных источников .....	80
Приложение А .....	88

## **ВВЕДЕНИЕ**

### **Актуальность темы исследования:**

В современном мире глобальной культуры полемика вокруг признания или отвержения статуса тех или иных аномалий является одним из ключевых злободневных вопросов, к которым представители различных культур привязаны по роду своего существования. А значит, одной из самых болезненных и интересных тем в мировом сообществе. Именно поэтому изучить её легче, чем какую-то ни было другую, потому как гораздо легче получить отклик на то, что волнует культуру и её носителей, гораздо легче проверить полученные результаты исследований на практике и гораздо сложнее заблудиться. Ведь чем ближе исследуемая тема к нашей обыденной сути, тем принципиальней будет её решение и тем более острой необходимость ею заниматься.

Данная тема позволит существенно изменить аспект рассмотрения некоторых культур и позволит по-иному взглянуть на проблему антропологических аномалий, в частности на проблему аномалии “гоморомантичность”.

### **Степень изученности:**

Биологические аспекты антропологических аномалий были подробно исследованы Чарльзом Дарвином, основоположником теории видов.

Основы исследования психологических аспектов антропологической аномалии заложили З. Фрейд, К.Г. Юнг, А.Адлер и их последователи.

Одним из фундаментальных исследователей-первооткрывателей антропологической аномалии как явления культуры, берущего своё начало от нормы была американская исследовательница, ученица Франса Боаса Рут Бенедикт (Фултон). Её совместные работы с Маргарет Мид открыли начало

совершенно новому направлению исследований антропологической аномалии - в рамках культурной антропологии.

За этим последовали работы Мишеля Фуко.

Концепцией Идеала занимался немецкий учёный Ф.В. Гегель.

Проблемами идеального в культуре занимались Д.В.Пивоваров и В.Жуковский, на синтетическую теорию которых мы будем в данной работе опираться, естественно адаптировав её под нужды данного исследования.

Теоретическое обоснование типов дружбы и любви мы находим у Клайва Льюиса в его книге “О любви”.

Гендерными исследованиями в России занимались К.В. Шуршин, О.Воронина, Г.Г. Силластэ, А.Посадская, Н. Римашевская, Н.Захарова, А.А.Безрукова, М.А. Лактионова и другие.

**Объект исследования:**

Художественные образы антропологических аномалий.

**Предмет исследования:**

Динамика художественных образов антропологических аномалий в истории мирового искусства (на примере художественного образа гоморомантичности в японском искусстве).

**Цель исследования:**

Изучить на примере художественного образа гоморомантичности в искусстве Японии динамику художественных образов антропологических аномалий в истории мирового искусства.

**Задачи:**

1.Изучить и описать специфику антропологических аномалий,

историю их изучения, а также их континуально обусловленную динамику.

2. Проанализировать выраженность выбранной условной культур-антропологической аномалии - гоморомантичность - в мировом искусстве. Создать корректную типологизацию существующих образов.

3. Проанализировать динамику образов выбранной антропологической аномалии в контексте исторического развития форм искусства конкретной культуры Японии. Обработать полученные данные и сформулировать гипотезы относительно возможной корреляции динамики художественных образов и динамики форм изучаемой культуры.

### **Проблема:**

В настоящее время тема аномалий не является полностью изученной. Это связано с контекстуальной флюидностью понятия, а также его прямой зависимостью от того, кто и в каком ключе его рассматривает, ведь чем многополярнее, многоаспектнее явление, тем больше у него будет граней-сторон и тем больше точек зрения на предмет будут иметь право на существование в равной степени. Антропологическая аномалия и антропологическая норма с точки зрения данной работы будут рассматриваться исключительно как культуuroобразующие концепты, не вникая в суть их фактического различия - биологического, нейрофизиологического и так далее. Это сделано с тем, чтобы ограничить обширность исследования, сделав его более узким, более специализированным и соответственно более адаптированным к нуждам такого небольшого, если можно выразиться “точечного” исследования, не предполагающего статистических исследований и метода больших чисел и рассчитанного тем не менее на широкую аудиторию.

Основной трудностью для первичного изучения аномалии является вопрос: какова специфика происхождения данной аномалии? Экзогенна ли

она - вызвана ли воздействием внутренних факторов, эндогенна - кроется в устройстве самого субъект-объекта аномалии? Впрочем, на самом деле эндогенных причин может существовать не так уж много, и все они, как правило, являются первопричинами не только существующих аномалий, но и их дуальностей - нормативных практик. Именно нахождение таких причин способствует правильной трактовке исследуемых аномалий и является наиболее полезным). В случае с человеческим существованием эти вопросы особенно остры и порой, найдя ответ на такой вопрос, мы уже сможем добыть половину интересующих нас знаний из информации о предмете.

### **Методология:**

Для работы с полученными данными мы создали свой уникальный, концептуально обусловленный метод. Он позволит нам наиболее точно обработать данные с наибольшей пользой для смежных исследований.

В данном исследовании мы опирались на два основополагающих столпа - это работы Рут Фултон а также Синтетическую теорию В.Жуковского-Д.Пивоварова.

### **Ожидаемый результат:**

В результате данного исследования ожидается получить новые данные относительно возможных корреляций между явлениями антропологической условной аномалии гоморомантичность, художественным образом и системой (телом, функцией) культуры. А также опробовать новые способы работы с инфографическими методами для гуманитарных наук.

### **Апробация:**

Текст данной работы и его отдельные части могут быть использованы



в дальнейших исследованиях на тему гомосоциальности, гоморомантичности в японском искусстве, японской истории искусств.

Результаты данного исследования помогут по-другому взглянуть на изучение антропологических аномалий и обратить внимание на комплексность изучаемых явлений. От конкретных результатов исследование переходит к расширению теоретических возможностей применения авторского метода работы для качественных гуманитарных исследований. Также в тексте сделана попытка вывести данные искусствоведческого анализа на уровень использования в качестве оперативных данных для более серьёзных исследований.

Достижения данного исследования будут полезны исследователям широкого гуманитарного профиля.

### **Структура и объём работы:**

Введение, три главы (десять параграфов), заключение и список использованных источников, 1 приложение. 90 страниц печатного текста.

## **1. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ КАК АКТУАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Первая глава посвящена объяснению понятий “аномалия” и “антропологическая аномалия”. В первом параграфе будут раскрыты

понятия “аномалия” и “норма” и отличительные особенности этих понятий. Во втором параграфе будет приведена история их изучения и процесс трансформации в области научных взглядов на аномалии человека и культуры. В результате будет раскрыто, какие области научного знания были заинтересованы в изучении антропологических аномалий и с чем связаны изменения в научном интересе тех или иных наук к аномалиям. Третий параграф познакомит читателя с динамикой антропологических аномалий как явлением культуры: мы расскажем, как формируются понятия о норме и аномалии, откуда появляется необходимость в формировании подобного явления, а также как это явление существует, с какими понятиями и сферами общества взаимодействует и где его конечное бытие даёт начало иному культурному явлению.

### **1.1. Специфика понятия “аномалия”**

В первом параграфе раскрыта основная специфика понятия “аномалия”. Объяснено лингвистическое происхождение термина, его свойства и аура, состоящую из родственных терминов и концептов, окружающих понятие.

Термин *ανωμαλία* (Аномалия, греч.) - это суффиксальным образом образованное производное от слова *ανώμαλος* (аномальный, греч.) - неровный, незакономерный (Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. М.: Изд. Московского Университета 1963), что, в свою очередь, происходит от греческого слова "Омалос" (*ὀμαλός*), что означает "ровный, прямой, обыкновенный, постоянный" (Хориков И.П., Малев М.Г. Ново-греческо-русский словарь под ред. П.Пердикиса и Т. Пападопулоса. М.: Изд. “Русский язык” 1980) и является синонимом таких слов как ненормальность, неправильность, отклонение, непостоянство.

Это слово также созвучно другому греческому слову - "*νομός*" (*nomos*) - обычай, закон, порядок в его отрицательной формулировке. То

есть в такой трактовке аномалия будет означать непорядок, несоответствие заданному порядку и это понимание будет уже несколько ближе к тому смыслу этого понятия, который мы хотели бы раскрыть здесь.

Есть и ещё одно интересное слово, связь с которым нам представляется возможным: это слово νόημα (поема) или "мысль". В таком случае, если бы мы мысленно связали два этих слова: производное и предполагаемый источник, то получили бы трактовку аномалии как "бессмыслицу", нечто непонятное, неизведанное. Третья трактовка, разумеется, - наиболее вольная из трёх, но и наиболее ценна в плане понимания того, с чем же мы будем иметь дело, когда станем говорить об аномалиях.

Специфической особенностью данного термина будет его гибкость и абсолютная зависимость от контекстной среды. Наиболее древние из сохранившихся на земле языческих культур воспринимали аномалию как часть религиозной системы. А в некоторых культурах то, что мы здесь и сейчас называем аномалией было и является неотъемлемой частью социальной культуры. Следует оговориться, что понятие "отклонение" или "аномалия" используется в данном тексте исключительно в рамках конкретной контекстной среды нашей собственной, российской культуры, в чём проявляется некоторый субъективный момент восприятия. В рамках японского общества, исследование которого будет нами проведено далее, рассматриваемая ниже "аномалия" имеет совершенно другое значение и аномалией, по сути практически не является. Но мы предпочли использовать данный термин, так как отправная точка исследования лежит в плоскости современной российской и отчасти европейской - христианских культур, без сомнения, сильно различающихся между собой, но, однако, сохраняющих схожие взгляды на описываемую проблему.

В современном мире глобальной культуры полемика вокруг признания или отвержения статуса тех или иных аномалий является одним

из ключевых злободневных вопросов, к которым представители различных культур привязаны по роду своего существования. А значит, одной из самых болезненных и интересных тем в мировом сообществе. Тема эта - весьма чувствительна, если не сказать, болезненна, так как затрагивает интересы множества людей - как тех, что непосредственно имеют дело с проявлениями аномального в культуре (сам, через своих родственников и знакомых), так и тех, кто, будучи привлечённым к решению вопроса о статусе аномалии вынужден искать ответы. Но именно поэтому изучить её легче, чем какую-то ни было другую, потому как гораздо легче получить отклик на то, что волнует культуру и её носителей, гораздо легче проверить полученные результаты исследований на практике и гораздо сложнее заблудиться. Ведь чем ближе исследуемая тема к нашей обыденной сути, тем принципиальней будет её решение и тем более остра необходимость ею заниматься.

Но в то же время тема аномалий не является полностью изученной. Это связано с контекстуальной флюидностью понятия, а также его прямой зависимостью от того, кто его рассматривает, ведь чем многополярнее, многоаспектнее явление, тем больше у него будет граней-сторон и тем больше точек зрения на предмет будут иметь право на существование в равной степени.

Под **антропологической аномалией** понимается обычно такой род аномалий, который напрямую связан с человеком и его бытием. Бытием физическим, культурным, ментальным. Аномалии в данном контексте (аномалии в широком смысле) могут быть нескольких видов: морфологические (связанные с внешним видом, формой человеческого тела), поведенческие (индивидуальные психологические девиации поведения индивидов), культурные (нормативные и ненормативные практики сообществ).

Нормы по своему типу формирования бывают как **утвердительные**:

указание поступать так, а не иначе, так и **отрицательные**: указание не делать чего-либо. И именно последние зачастую становятся тем рубежом, за которым следует признание аномальности чего-либо.

Как только человек научился отделять себя от другого или рефлексировать, к нему приходит понимание о том, что есть Я, а что не есть. Таким же образом, в результате суммарного анализа данных, человек приходит к выводу о том, что что-то есть норма, а что-то не есть таковая. Но таким образом понятие нормы формируется далеко не всегда. Описанный нами вариант суть идеализация. На деле же большинство норм усваиваются человеком не из опыта и совокупности сложных аналитических процессов, но посредством социализации, то есть вхождения в состав социума.

Большинство людей приобретают понятие о норме и ненорме (аномалии) в результате воспитания их обществом. При этом доля информации, которая воспринимается как нормативная без раздумий - подавляюще велика. Между тем, именно вопрос о том, что есть такое норма, и есть тот краеугольный камень, что держит арку всех учений, религий, социальных порядков, идеологий. Тот простой вопрос, который неосознанно заставляет наше социальное "колесо сансары" вращаться тысячи лет, а массовое сознание эффективно вращать его.

В последнее время за счёт господствующих в общественном сознании идей принципов рефлексии для многих исследователей и для многих граждан, даже не имеющих отношения к научной среде, становится всё более очевидным наличие спекуляций, осуществляемых на понятиях нормы и аномалии. И зачастую именно эти спекуляции, а не проблемы нормы и аномалии как таковые и являются предметом обсуждений. Но такое обсуждение совершенно не отвечает научным нормам, более того оно не порождает ничего полезного.

Нас в контексте данной искусствоведческо-антропологической

работы будут интересовать в первую очередь аномалии культурного характера, то есть те виды антропологических отклонений, что связаны с культурным и социальным бытием человека, а также их проявленность, репрезентация в мире искусства.

## **1.2. Изучение антропологических аномалий**

В данном параграфе мы коснёмся проблемы изучения антропологических аномалий, посмотрим, как и кем изучались антропологические аномалии на протяжении человеческой истории, а также рассмотрим специфику их изучения.

Что же привлекает человечество в изучении аномалий? Уж, конечно, не то, что привлекало большинство в прошлом. Ещё в недавнем прошлом, человек, отправлявшийся в кунсткамеру за зрелищами размышлял об аномалии как о невиданной дикости, которая может происходить где-то и с кем-то. Теперь, большинство из тех индивидов, которые решаются выйти за пределы того, что они считали нормальным, выходят для расширения собственного мировоззрения. Для расширения границ собственного Я. И каждый из них понимает, что аномалия - это больше не заразная бактерия и не проклятие, не порча, а результат закономерности, а значит - всего лишь частное проявление какого-то закона. Да, пусть закон этот ранее не был нам известен и мы до сих пор ещё не понимаем точно, как он работает. Пусть это понимание всё ещё кажется нам парадоксальным. Но главное - мы всё же понимаем, что подобный закон существует. И аномалия - это вовсе не "ошибка природы", а её закономерное порождение, имеющее свою богатую причинность. Именно с таких позиций и будет практично глядеть на аномалию. И именно это понимание мы и будем иметь в виду, когда будем говорить об Аномалии в рамках текущего исследования.

Аномалия - это своего рода срез культуры. Та брешь, через которую мы, привыкшие к тому, что всё происходит только так, а не иначе, можем

наблюдать действительность в её многообразии. По сути аномалия показывает нам только то, что есть в действительности. И нам решать, как реагировать на это. Наблюдая аномалию мы получаем бесценные сведения об альтернативном варианте, а также, как следствие и как конечную цель этого урока - понимание о поливариантности развития культуры, как одного из явлений человеческого бытия. То есть о поливариативности событийного порядка в целом: хода истории, течения эволюции, эволюционного выбора, выбора нашей текущей действительности - всего. Вот для чего необходимо изучать аномалии. Не отрицая их и не замалчивая, не пытаясь уравнивать или даже не пытаясь подогнать под уже существующие системы ценностей. Напротив - аномалия - и есть шанс изменить эту систему, не истребив её, но сделав богаче, многообразней. А если понадобилось бы - реорганизовать, хотя это - задача, требующая немалой искренности.

В некоторой степени закономерно, что сторон, изучающих аномалии - три. Своеобразное повторение идеи триединства - ключевой на данный момент мифологической идее человеческой мировой культуры. Во всех древних трактатах так или иначе прослеживается идея троичности и тройственности мироздания. Очевидно, что этот концепт является наследием более глобальной, общей цивилизации, общего цивилизационного корня, так как он не может быть простой копией соответствующих концептов других культур. Или может? Однако факт есть факт - триединство - ключевой символ современной расы людей, проживающих на планете Земля. Это выражается в многочисленных идеях об Отце, Сыне и Святом Духе (Христианство), Душе, Уме и Теле (Веды, Иудео-христианская традиция, буддизм, синтоизм) - в таком виде данная идея является ключевым аспектом религиозного осмысления мира, но она также и служит в современном мире атавизмом (возможно оправданным, возможно и ныне имеющим смысл), который широко

используется как в инфографике - символьной структуре современного социума, в маркетинге - вещь, которой присущ концепт триединства проще продать, так как воздействие . Более того триединство стало синонимом такого веского слова как “Традиция”, что немаловажно, ведь любая практика культуры есть ничто иное как новое, выросшее прямиком или из предпосылок традиционной культуры - того самого, что несёт в себе зёрна сакрального. В противном же случае - практика, не имеющая или скорее - забывшая свои корни - со временем отмирает как чуждая культуре и её рядовым членам, либо же она в конце концов обретает новый смысл, который и вдыхает в неё “дыхание жизни”. Известны немногие отличия - ответвления в восприятии триединства. Так, предцерковная славянская традиция воспринимает мир как двуединство - то есть единство противоположностей, а дух и тело - в качестве такой же дуальности как землю и небеса. Такие концепты являются не столько “тупиковыми” (так как в них имеется всё же развитие и динамика, более того они часто всплывают во многих современных учениях), сколько локально изолированным, как изолированы бывают языковые ветви, не теряя при этом связи с корнем у основания, но и не испытывая взаимного влияния в настоящем. Однако это не значит, что такого проникновения не может быть в будущем. Так, концепт дуальности мироздания наряду с концептом триединства несмотря на непопулярность первого всё же остаются доминирующими в культуре современности и имеют как своих последователей, так и реальное подтверждение в окружающей действительности. Ещё один забытый концепт - концепт единоначалия - то есть то, что соответствует единице. Следуя такой логике развития восприятие должно бы совершенствоваться до цифры 9, а после чего оно, завершается воссоединением единицы и девятки, получая десять - то есть круг. Это прекрасно было известно мистикам древней Греции и Египта.

Таким образом, не будет абсолютно никакой вольности в том, чтобы



разделить сферы изучения антропологических аномалий по их генетической специфике на три части:

1) Биологическую антропологию. Она изучает взаимосвязь уникального ландшафта (экзогенная природа аномалий) и человеческой психо-физиологии (эндогенная природа).

2) Социо-культурную антропологию, изучающую социальную обусловленность аномалий. (экзогенная)

3) Психологическую антропологию, изучающую индивидуальное бытие человека и его индивидуальный опыт восприятия действительности (эндогенная специфика).

Любое явление обладает рядом свойств, присущих ему по генетическому признаку. Аномалии - не исключение. Специфика их изучения состоит в различном происхождении. Морфологические аномалии - природны. Поведенческие приобретены. Социальные навязаны.

Основной трудностью для первичного изучения аномалии является вопрос: какова специфика происхождения данной аномалии? Экзогенна ли она - вызвана ли воздействием внутренних факторов, эндогенна - кроется в устройстве самого субъект-объекта аномалии? Впрочем, на самом деле эндогенных причин может существовать не так уж много, и все они, как правило, являются первопричинами не только существующих аномалий, но и их дуальностей - нормативных практик. Именно нахождение таких причин способствует правильной трактовке исследуемых аномалий и является наиболее полезным). В случае с человеческим существованием эти вопросы особенно остры и порой, найдя ответ на такой вопрос, мы уже сможем добыть половину интересующих нас знаний из информации о предмете.

Какой же из этих видов наиболее важен, перспективен, заслуживает внимания? С точки зрения научного познания, можно сказать с точностью: все. И более того - без учёта какой-либо из этих сторон невозможно

исследование, а мы имеем ввиду именно научное, то есть максимально объективное с точки зрения имеющихся фактов, исследование аномалий. Итак, когда мы будем иметь ввиду исследование антропологических аномалий в сфере культуры, то без всякого сомнения, мы будем опираться на фактографический материал из самых разных областей - будь то физиология или лингвистика.

Изменения в степени заинтересованности тех или иных отраслей научного знания в изучении антропологических аномалий неразрывно связано с динамикой антропологических аномалий и изменением взглядов касательно их. Так, в то время как антропологическая аномалия исследовалась с морфологической точки зрения её изучением занималась медицина. Когда аномалия стала восприниматься как продукт духовного устройства ею занимались религия и психология. Затем с точки зрения культурной антропологии аномалия - это культурный продуцент, продукт и его необходимо изучать с точки зрения социологии культуры. Биология и физиология (биологическая антропология) же продолжает рассматривать аномалию с точки зрения воздействия ландшафта на объект. Аномалия с точки зрения биологии обязана своим появлением среде обитания. Причём ни один из предыдущих этапов не отбрасывается при последующем переходе.

Вплоть до недавнего времени (XX в) изучением аномалий, в основном занимались естественные и точные науки. Первыми науками, воспринявшими аномалию как объект изучения (в отличие от религиозных и идейно-нравственных парадигм) были медицина, геометрия, математика, естественные науки. В ранних медицинских трактатах ближнего и дальнего Востока, в древнегреческих учениях - в основном рассматривались следующие типы аномалий: морфологические и поведенческие, а также множество аномалий природного свойства (неантропологических).

Первые документальные свидетельства медицинского изучения

аномалий содержат древнеегипетские папирусы: папирус Эберса и папирус Смита (оба XVI в. до н.э.). Разумеется, оба они содержали информацию об аномалиях, в основном, экзогенного характера. Во время написания этих трактатов в Египте процветает жреческая культура. Исследованием человеческого тела занимаются жрецы богини Сохмет, маги и колдуны. Считается, что первоисточником всех древнеегипетских папирусов были одни и те же книги. В частности “Книга сердца”. Тибетская медицина по своему складу представляла собой комплект из буддийских, арабских и египетских воззрений была по большей части заимствована из Китая и Индии. В конце 8 века н.э. на тибетский язык была переведена Аюрведа - арийский трактат о строении человеческого тела и души. Традиции тибетского врачевания передавались среди буддийских монахов и в 12 в. н.э. монаху по имени Ютогба Ендон-Гонбо удалось собрать эти знания в книгу тантр “Чжуд-ши”. Здесь мы встречаем расхожее мнение древнего мира о том, что аномалия человеческого устройства является либо произведением божественного умысла либо влияем духов либо нарушением гармонии трёх стихий или пяти элементов. В общем, воззрения всё ещё, в основном, опираются на магию и теософические представления и их адепты занимаются излечением и трактовкой аномалий через принцип подобия, а наблюдения за природой основываются в это время преимущественно на сложных и красивых метафорах, столь близких по образу мышления их восточным носителям.

На данном этапе развития представлений об аномалиях аномалией считается то, что не попадает под категорию “здоровье” - и этот подход, сформировавшийся ещё в древности медицина пронесит сквозь века до нынешних пор. Однако сейчас, в XXI веке вновь поднят вопрос: всё ли, что нам кажется аномалией на деле есть таково? Или же часть аномалий является собой всего лишь многообразие вариаций?

Важнейшими источниками в изучении медицины Древней Греции

являются труды Цельса, который подробно рассуждает об особенностях медицинского знания того времени. Среди ведущих греческих медицинских центров выделяют Александрийскую школу (Герофила, Эразистрата), школу Гиппократов.

Вплоть до недавнего времени (XX в) изучением аномалий, в основном занимались естественные и точные науки. Первыми науками, воспринявшими аномалию как объект изучения (в отличие от религиозных и идейно-нравственных парадигм) были медицина, геометрия, математика, естественные науки. В ранних медицинских трактатах ближнего и дальнего Востока, в древнегреческих учениях - в основном рассматривались следующие типы аномалий: морфологические и поведенческие, а также множество аномалий природного свойства (неантропологических).

Весьма интересен с точки зрения принципиального восприятия антропологических аномалий античностью взгляд Геродота - великого историка Древней Греции, автора труда "История". Труд повествует о событиях греко-персидской войны. В работе весьма красноречиво описываются нравы греков-современников автора, причём нравы весьма сомнительного с точки зрения христианской этики. За это его суждения были не раз обвинены в "злокозненности" ("зловредности"), то есть умышленном вреде, аморальности. Но так ли ужасен Геродот, как его нам описывают плутархианцы? Вот что пишет о нём советский историк Лурье : "Но пристрастие Геродота к изображению человеческой слабости и малодушия имеет и более глубокие корни. Геродот прежде всего точный и беспристрастный наблюдатель, переносящий в историю методы ионийского естествознания: он обязан точно передавать то, что наблюдал и что ему передавали. А так как в жизни нормой, по его мнению, являются слабость, корыстолюбие, примиренчество, а подвиги благородства — исключением, то естественно, что у него большая часть собранного материала относится к первой категории" (Лурье С.Я. Геродот. Москва-

Ленинград, Издательство АН СССР, 1947.).

Моралистски настроенные историки древности (самый громкий из них - Плутарх), а также более современные авторы (в частности немецкий историк Э.Говальд) не единожды прибегают к обличению воззрений Геродота как безнравственных, что весьма красноречиво свидетельствует о ценностной оценке нравственности и нормы как таковых. Ценности одной эпохи безнравственны для другой. Таким образом норма как воплощение идей нравственности, то есть аккумулируемых ценностей является здесь абсолютно временно-зависимой переменной.

Вершиной древнеримской медицины принято считать Галена. Весьма замечательно в его исследованиях как то, что ему удалось в своих работах собрать вместе и развить идеи всех известных в древнем мире мудрецов, так и то, каким образом он трактует полученные знания, что очень важно в истории изучения аномалий социальных или поведенческих. Важным вкладом в развитие представлений о природе антропологических аномалий становится учение Аристотеля о телеологии - учении о целесообразности, согласно которому «не случайность, но целесообразность присутствует во всех произведениях природы и притом в наивысшей степени, а ради какой цели они существуют и возникли — относится к области прекрасного...»

Продолжая теорию Аристотеля, Гален приходит к выводу, что каждый из существующих членов человеческого тела целесообразен в своём строении, как целесообразно и всё устройство человека и других живых существ. Эта идея становится основной в его работе “О назначении частей человеческого тела”. Фактически, с имени Галена и начинается изучение человеческой физиологии в европейском мире, которому последуют затем учёные эпохи Возрождения и Просвещения. В итоге физиология становится одной из движущих сил биологической антропологии и до сих пор занимает ведущее место по важности среди человеческих наук.

Вместе с развитием государственности и нуждой в эффективном управлении обществом, росла популярность исследования социальных аномалий. Однако в данном контексте слово "аномалия" употреблялось крайне редко и важной роли не играло. Вплоть до недавнего времени изучение аномалий было уделом физиологов, психологов, математиков, физиков, биологов и других специалистов.

Современный, резко возросший интерес к культурным аномалиям объясняется глобализацией культуры. Теперь у среднестатистического человека, как и у исследователя есть возможность сравнивать культуры и удивляться тем явлениям, которым он не находит объяснение из-за стереотипов, господствующих в его собственной культуре.

Удивительно, но и закономерно, что наибольший интерес к аномалиям проявляла на протяжении тысячелетий группа людей, чьи интересы, казалось бы, должны быть весьма далеки от указанного объекта - это деятели искусств. Но именно здесь аномалия как объект изучения падает на такую благоприятную почву, что лучше и предположить нельзя. Ведь именно художники, творцы, часто выходящие за рамки нормативности были одновременно и носителями и наблюдателями аномалий.

Зачастую художниками изображались морфологически аномальные объекты - люди с уродствами, маргинальные элементы общества и ментальные пороки, что позволяло рассматривать аномалии в качестве наглядного учебного морального пособия: того как быть не должно. Такой взгляд продолжал быть основным в европейской культуре довольно долго, ведь нравоучительная составляющая искусства для христианского запада была основной. Что касается других культур, то каждый народ в зависимости от исторических условий вырабатывал свои типы аномалий. Причём аномалии эти, как мы далее сможем убедиться изначально к жизни вызваны, в основном, особенностями природного ландшафта. Но со

временем характер их изменяется на мифологический, что и имеет место до сих пор в большинстве современных культур. Но во всех культурах, аномалии, безусловно существовали и продолжают существовать.

Весьма специфический вопрос поднимается искусствоведами и о сути самого искусства: творчество - это тоже аномалия или вариант нормы? И вопрос этот актуален, заметим, не только для творчества, но и для аномалий в принципе. Ведь мутабельность и расплывчатость понятия настолько велика, что даже и описать-то его, порой, не представляется возможным.

Современное понимание природы аномалий обязано в основном учениям Дарвина, Фрейда и Юнга и их последователей. Оно опирается на достижения теории эволюции и приспособленческой теории, на историко-генетический и реконструктивный методы.

Огромное значение для нашей нынешней работы будет иметь личность Рут Фултон, также известной как Рут Бенедикт, прославившейся своей работой “Хризантема и меч”, посвящённой исследованию японской культуры. Сама Фултон неоднократно утверждала, что её отношение к специфике аномалии и нормы изменилось благодаря переосмыслению её собственных гомосексуальных влечений. И этот факт ещё раз доказывает, что тема гомосоциальности и гомосексуальности является весьма плодотворным и наглядным материалом для изучения сущности антропологической аномалии и нормы как концептов культуры и психологии человека.

Это имеет большое значение и для нашей конкретной работы, так как именно данный ряд работ позволил в настоящее время рассматривать природу антропологических аномалий не как аномалии в прямом смысле, а как неконформные для данной культуры структуры. Этот подход приближает нас к истинному значению то, чем является каждая аномалия по своей природе и для окружающих её предметов действительности.

Сейчас, в начале XXI века, количество исследований так или иначе посвящённых тому, что некоторые люди называют аномальным очень велико. На сегодняшний день изучение аномального, "анормального" - это тренд, хорошо покупаемый и хорошо оплачиваемый. Тренд, которому миллиарды людей на земле с благодарностью следуют. Несмотря на то, что аномалии столь активно изучаются, исследованность объекта по-прежнему остаётся неисчерпаемой, как по своему видовому многообразию, так и по количеству подходов, инструментов, методов которые можно применить в исследовании данного объекта. И это - прямой показатель перспективности его изучения.

### **Выводы**

Итак, как мы рассмотрели основную специфику понятия аномалия. Как мы убедились, всякая аномалия относительна и её бытие напрямую зависит от существования нормы.

Можно заключить, что аномалия является неотъемлемой частью любой культуры как таковой, ведь именно круг аномального позволяет отличить, что есть норма. А значит, объединить группу людей по нормативному признаку в социум. Иными словами: как только появляется общепризнанная аномалии (и с нею же её дуальность - норма), мы можем вести речь о наличии сформировавшейся культуры. До этого момента общность людей подобна обыкновенному стаду животных, для которых нормативность тоже существует, однако она не осознаётся, детерминируясь лишь инстинктами, но не культурой.

Из чего следует ещё один интересный вывод: чем сильнее осознанность нормативности, тем выше уровень общественного сознания, тем развитей культура.



## **2. ГОМОРОМАНТИЧНОСТЬ КАК АНОМАЛИЯ КУЛЬТУРЫ**

В данной главе мы познакомим читателя с условной антропологической аномалией “гоморомантичность”. Приведём примеры художественных образов, отражающих эту аномалию, проанализируем их направленность.

Современный, резко возросший интерес к культурным аномалиям объясняется глобализацией культуры. Теперь у среднестатистического человека, как и у исследователя есть возможность сравнивать культуры и удивляться тем явлениям, которым он не находит объяснение из-за стереотипов, господствующих в его собственной культуре. Антропологическая аномалия гоморомантичность оказывает серьёзное

влияние на жизнь социума и на бытие культуры на всех уровнях. В данной главе мы расскажем о сложных функциях антропологической аномалии и раскроем сущность её бытия.

### **2.1. Гоморомантическая условная антропологическая аномалия как фактор гуманизации общества. Гендерно обусловленная гегемония и гомосоциальность**

В данном параграфе рассказывается о специфике функционирования антропологической аномалии внутри культуры. Раскрыта тематика понятия гоморомантической условной антропологической аномалии. Обоснована необходимость её изучения.

Темой нашего текущего исследования является антропологическая условная аномалия “гоморомантичность”. Данная аномалия не является полностью стигматизированной, но и полностью принятой, осознанной тоже не является - как впрочем и большинство явлений по-настоящему важных для человечества и его выживания как вида, и его развития. Фактически, тема гоморомантического влечения поднимается в мировой литературе, искусстве в целом, в культурных общественных и научных дискуссиях - часто. Даже чаще, чем тема о гомосоциальности и гомоэротике. Фактически, каждый человек в своей жизни так или иначе сталкивался с подобным явлением. Гомосоциальные отношения являются неотъемлимой частью культуры.

И это не ново - ведь гоморомантическое стремление является одним из главных факторов, стимулирующих гуманизацию культуры. Так было на протяжении всего человеческого периода современной истории. И так продолжает быть. Дело в том, что некоторые социальные практики видятся нам возможными только в том случае, когда они проходят в кругу представителей своей группы - в данном случае это группа по морфологическому признаку пола - то есть в большинстве случаев -

гендерному признаку (не путать с генетическим полом). Например, среди таких практик можно выделить практики психологической разгрузки, разговоры “по душам”, сплетни, развлечения и другие “сугубо женские” и “сугубо мужские” практики.

Ситуация эта обусловлена значительным перекосом в гетеросоциальных связях, когда между полами существует взаимное недоверие, воспринимаемое в меньшей или большей степени в зависимости от социальных условий по умолчанию. Недоверие это вызвано искусственной сегрегированностью двух полов друг от друга. Сегрегированность в свою очередь формируется при помощи таких простых инструментов как гендерный стереотип. При чём, когда мы говорим “стереотип”, то далеко не всегда будем иметь ввиду стереотип навязанный насильно, клещированность которого очевидна (как, например, “девочка - в юбке, мальчик - в шортиках”). Зачастую стереотипы отражают традиционно устоявшееся *социально желательное* поведение. Таковым - то есть желательным - его сделала необходимость в поддержании определённого образа жизни - то есть выживание. Например для женщины её покладистость и почти мистическое “очарование” - то есть привлекательность для мужчины - являлось на протяжении веков единственным и естественным средством для продолжения рода и защиты потомства. (Естественно, здесь не учитывается фактор, что группы женщин на протяжении довольно длительного периода времени сохраняли положение покорившихся и не предпринимали попыток наращивать силу, чтобы сравняться с мужчинами). Другая особенность женственности или феминности - это её общительность и умение договариваться, что тоже было немаловажно но уже для установления прочных контактов внутри группы - гомосоциальных связей. У мужчин гомосоциальные связи также крепки и строятся они либо на иерархичности, либо на основе дружеских контактов - приятни. Мужчины совместно ходят на охоту и рыбалку,

прикрывают друг друга (раньше - в бою и на охоте), теперь в житейских делах и на работе. Стоит отметить, что сейчас большинство практик за счёт своей доступности смешались и уже трудно назвать отдельно существующую практику чисто мужской и чисто женской.. Как бы то ни было - одинаковые потребности двух таких казалось бы стереотипно различных групп и схожие методы их удовлетворения наглядно показывают, что разница между полами по сути не так уж велика.

Кроме того происходит повсеместное взаимное рецептирование практик другого пола. Поясним одну деталь: то, что мы называем практикой мужской или женской ни в коем случае не указывает на то, что эта практика изначально являлась таковой. Это название указывает лишь на временную принадлежность практики в сравнительно недавний период времени. Так, например, ношение юбки изначально было у большинства народов практикой мужской. Женщины, в основном, облачались в покрывала или платья-сарафаны или у некоторых народов - юбки (набедренники). И эта норма - ношение юбок не воспринималась как гендерное свойство. Но с появлением брюк, позволяющих более раскованно вести себя в бою, а также в труднопроходимых местах, в местах с суровыми климатическими условиями, большее распространение у охотников получили они. Вообще существенное разделение мужской и женской одежды характерно для средней полосы с умеренным климатом, тогда как в условиях севера а также на юге мужская и женская одежды отличались редко, в основном, по специальным атрибутам. В конце концов, морфологические особенности мужчин и женщин не настолько рознятся, чтобы требования к одежде могли различаться. Так что все наши якобы “женские” и “мужские” одеяния - не более чем социальный конструкт.

Такое сильно смешение групп и их практик указывает также на тенденцию к реформированию устойчивых гетеросоциальных связей. Мужчины и женщины всё больше начинают доверять друг другу и

стремятся преодолевать гендерные стереотипы, а вместе с ними и так называемую цис-гендерную конформность - свойство, призванное удерживать оба пола в рамках предписанных общественным мнением гендерных норм, зачастую весьма неудобных в повседневности. Необходимость такого соблюдения норм объясняется остаточным сознанием важности их для выживания. Однако в современности большинство из них скорее мешают, чем в действительности приносят пользу. Например, в США, да и в России очень сильна гендерная детерминанта поведения в политике. Негендерконформные политики редко встречаются на верхушке власти. И дело не в том, как может показаться, что избиратели их не приветствовали бы, выгляди они и веди себя чуточку иначе, просто в сознании самих политиков и их пиар-агентов, а также и рядовых жителей стран есть чёткое представление о том, как должны выглядеть люди согласно предписанному им статусу и полу - и вовсе не важно, что костюмы на них нелепы и вовсе не соответствуют идеям, которые они предлагают, ведь такой костюм выглядит “солидно” - ещё один стереотип.

## **2.2. Гоморомантичность как агент социализации**

Гоморомантичность является одним из активных положительных элементов социума, способствующих гармоничной социализации индивидуума. Цель данного параграфа - раскрыть многоаспектную реализацию данной аномалии как агента социализации а также показать актуальность изучения образов антропологической аномалии для современной российской культуры.

Так исторически сложилось, что гоморомантическая традиция стала носителем высоких эстетических категорий в кризисные моменты культуры там, где порой большинством эти категории забывались или их значение умахалось. Современная молодёжь является рецептивными

носителями таких эстетических традиций как “рыцарство”, “куртуазность”, “возрождение”, “романтизм”, “классицизм”. Молодёжь как наиболее восприимчивый из кластеров общественного сознания способен нести в себе идеалы предыдущих эпох, являясь их своеобразным хранилищем - кладовой бессознательного, царством мифологии. Именно благодаря молодому поколению накопленные знания не устаревают, а поддерживаются. То есть здесь речь идёт не о пресловутой “связи поколений”, а о нечто большем - связи эпох и культур. Так случилось, что при развитом режиме СССР преемственность культуры не играла такой большой роли, так как имелась определённая культурная доминанта настоящего. В девяностых годах прошлого столетия потребность в поддержании этой связи возобновилась, так как на рубеже веков, при смене вех отмечается обострение нужды творческой интеллигенции в энергетической, импульсной, эгрегориальной подпитке у предыдущих сильных культурно-эстетических явлений, способных поддержать культуру человечества в нестабильные периоды, а также вдохновить творческую интеллигенцию и общественную массу на культуротворчество. Это происходит путём обращения к источникам искусства, литературным произведениям прошлых эпох, устоявшимся культурным мифам и идеям. Так культура, рефлексирывая саму себя обновляется для продолжения своего существования. Но слово “продолжение” здесь не совсем уместно, так как это по сути - совершенно новое бытие, новая жизнь, наполненная новым содержанием и новыми смыслами.

В современной России и в Красноярском крае в частности гоморомантический аспект социальных отношений играет роль совершенно особенную. Фактически гоморомантические отношения являются одним из благодатных факторов социализации личности. Посредством литературы, искусства, фан-арт движения, гоморомантические образы формируют целый пласт культуры, связанный

с молодёжью и эстетизацией современной российской культуры.

Так вышло, что в сознании молодёжи эти образы играют большую и важную роль. Начиная с самого пубертаного периода - начала активной социализации и заканчивая формированием молодой социальной личности (примерно 25-30-35 лет) именно данный кластер культуры будет социально значимым, так как в этот период личность обладает определёнными потребностями, которые реализовать она может преимущественно в гомосоциальных и зачастую гоморомантических отношениях. Речь идёт о понятиях дружбы и романтической привязанности, иногда - первой любви и любовных взаимоотношениях. В период формирования личности именно гомосоциальные контакты, и, что более значимо - гомосоциальные устойчивые связи являются наиболее значимыми в структуре личностных ценностей молодых людей. Впрочем, утверждать, что к концу периода формирования гетеросоциальные контакты выходят на первый план или значение гомосоциальных связей прекращается - нет никаких оснований. Просто именно для формирования личности принципиально важно наличие таких связей. Это связано преимущественно с патриархальной концепцией общества, которая полуискусственно при помощи социальных технологий мотивирует людей к гомосоциальному взаимодействию скорее, чем к гетеросоциальному, что отвечает требованиям искусственной сегрегации полов, которой всё ещё продолжает следовать современное общество. (А.А. Денисова. Гомосоциальность. Тезаурус терминологии гендерных исследований. - М.: Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты. 2003. [www.owl.ru/gender/361.htm](http://www.owl.ru/gender/361.htm))

### **2.3. Типология гоморомантических образов**

В данном параграфе приведена типология гоморомантических образов, основанная на типологии гомосоциальных отношений, которые эти образы воплощают.

Через века проходят легенды о страстной дружбе или любви между юношами и девушками (как гетеро, так и гоморомантического склада). Причём, как правило, в искусстве темы нежной, верной и преданной дружбы представлены сугубо в положительном ключе.

Опираясь на историю становления гомосексуальности как формирующего институтообразующего фактора в обществе, в том числе современную историю становления ЛГБТК+ сообщества, можно различить проступающие сквозь видимость высокой дружбы следы тщательно (или не очень) скрываемой гоморомантической темы. В большинстве произведений намёки на гоморомантику весьма читаемы, но предоставлены так, что неосведомлённый или незаинтересованный зритель не разглядит в них ничего гоморомантического. Но не стоит при этом считать, что подобные намёки делались исключительно для того, чтобы сберечь какую-то тайну. Дело том, что большинство обывателей видят на картине или в художественном произведении ровно то, что они хотят там увидеть, а раз так, то вполне логично то, что и автор может говорить в своей работе о том, о чём хочется ему. И совпадение трактовок здесь скорее исключение, чем правило.

Однако из этого вовсе не следует делать вывод, что под всеми гоморомантическими стремлениями человека авторы произведений искусства, ровно как и сами участники таким отношений видели лишь сугубо сексуальное стремление. Просто скорее всего восприятие этого феномена становилось расплывчатым. Оно как бы разрывается на три основообразующих фактора: сексуальное стремление, дружеское стремление (социальное, материалистическое - основанное на приятельстве или духовное - то, что мы называем чистой любовью, стремлением одной души к другой. Часто они сливаются), идеалистическое стремление (объект как идеал в прямом, непосредственном смысле, в том, о котором мы говорим в контексте синтетической теории Д.В. Пивоварова, В.И.



Жуковского и Теории Изобразительного искусства В.И. Жуковского), также не следует исключать компенсаторно-психологического влечения, связанного с детским опытом переживаний либо с ущербным восприятием личностью самой себя. Вот такой сложный спектр понятий понимается под одним единственным словом гоморомантическое влечение. Стоит ли говорить, отчего так сложно дифференцировать эти факторы в их искусственном изображении. Впрочем, конечно, если детально проанализировать каждое отдельное произведение, то кое-какие догадки сделать всё же можно, при чём догадки довольно достоверные, приближенные к реальности.

Как правило, *гоморомантический образ* предполагает один или несколько из изложенных далее вариантов связей между персонажами в произведении:

1) страстную дружбу, основанную на взаимном или одностороннем романтическом влечении персонажей друг к другу.

2) платоническую влюблённость

3) идеальную бескорыстную дружбу (броманс)

4) наличие в связи персонажей сублимированного либо же скрытого от наблюдателя (реципиента произведения) гомоэротического подтекста отношений.

Последнее характерно в основном для периодов, когда гомоэротические произведения находились в статусе маргинального искусства и любое прямое упоминание подобной связи считалось скандальным и могло грозить своему автору подпорченной репутацией. И в том числе это весьма свойственно японской культуре, о которой мы подробно расскажем в следующей главе.

Разумеется, существуют примеры, когда в одном и том же произведении образ взаимоотношений персонажей раздваивается на романтический и эротический. В основном такое свойственно (и то не

слишком часто) гетероромантическим образам, а также мужской гоморомантике. Как ни странно романтический и эротический образы в одном и том же произведении могут быть и сплочены в один (это случается, в основном, когда имеет место концепт *“true love”* - настоящей любви - моногамно ориентированный концепт, утверждающий, что есть такое особенное явление “настоящая любовь” и противопоставляющий её всему, что таковой субъективно не является), так и разделены. В данном случае, когда мы будем говорить о гоморомантике в произведениях искусства (в том числе и литературных, и театральных) мы будем иметь ввиду те виды произведений, где эротический подтекст не проявлен прямолинейно (то есть нет эротических сцен, а также отсутствует упоминание о них) или же не предполагается в принципе. Тем не менее мы будем включать в это понятие произведения, в которых могут содержаться символические, архитипические и другие смысловые, семантические намёки на наличие эротических отношений.

#### **2.4. Динамика гоморомантических образов**

Данный параграф содержит в себе информацию о воплощениях гоморомантических образов в мировом искусстве. В тексте данного параграфа также описаны специфические особенности образов, приведён их подробный нарративный анализ.

Удивительно, но и закономерно, что наибольший интерес к аномалиям проявляла на протяжении тысячелетий группа людей, чьи интересы, казалось бы, должны быть весьма далеки от указанного объекта - это деятели искусств. Но именно здесь аномалия как объект изучения падает на такую благоприятную почву, что лучше и предположить нельзя. Ведь именно художники, творцы, часто выходящие за рамки нормативности были одновременно и носителями и наблюдателями аномалий.

Зачастую художниками изображались морфологически аномальные объекты - люди с уродствами, маргинальные элементы общества и ментальные пороки, что позволяло рассматривать аномалии в качестве наглядного учебного морального пособия: того как быть не должно, либо имел иной морализаторский аспект: у уродства есть чему поучиться, либо же изображал уродства для выражения метафорической, иносказательной идеи. Такой взгляд продолжал быть основным в европейской культуре довольно долго, ведь нравоучительная составляющая искусства для христианского запада была основной. Что касается других культур, то каждый народ в зависимости от исторических условий вырабатывал свои типы аномалий. Причём аномалии эти, как мы далее сможем убедиться изначально к жизни вызваны, в основном, особенностями природного ландшафта. Но со временем характер их изменяется на мифологический, что и имеет место до сих пор в большинстве современных культур. Но во всех культурах, аномалии, безусловно существовали и продолжают существовать.

Весьма специфический вопрос поднимается искусствоведами и о сути самого искусства: творчество - это тоже аномалия или вариант нормы? И вопрос этот актуален, заметим, не только для творчества, но и для аномалий в принципе. Ведь мутабельность и расплывчатость понятия настолько велика, что даже и описать-то его, порой, не представляется возможным.

В современной истории, примерно с начала XVIII века, гоморомантическое стремление остаётся фактически единственной подлинно гуманистической силой социальных взаимоотношений. Это связано не в последнюю очередь с тем, что гетероромантические проявления чувств в настоящее время сильно фетишизированы и сексуализованы. Фактически, из гетероромантической сделали культ. Как ни странно - это культ нормы. В то время как из гоморомантики сделали

вещь крайне нежелательную и даже пагубную, что в корне противоречит её подлинной функциональности. Но такое воззрение на неё было не всегда и в следующем параграфе мы в этом убедимся.

Вообще, как мы уже сказали выше, отношение к антропологическим аномалиям проходит во времени типичную s-образную кривую, где верх - это положительное отношение к гоморомантичности, а низ соответственно отрицание её важности и значимости. Процессы эти то усугубляются, то переживают некую “оттепель”. Сейчас мы имеем дело с именно такой оттепелью, хотя, как ни странно, именно сейчас исследователи регистрируют кризис как в гомосоциальных, так и в гетеросоциальных отношениях. И этому тоже есть свои причины. Среди них - изменение статуса гомосексуальных отношений и развитие более открытого взаимодействия в гетеросоциальной среде.

Там, где у человека есть выбор - дружить с представителями своего пола или же - другого пола - существует гораздо большее число вариантов отношений и доминанта гомосоциальных контактов, казалось бы, должна уступить место разнообразию гендерных взаимодействий. Но это всё ещё не так. Дело в том, что основными психологическими принципами налаживания *неделовых контактов* являются принципы единства и разности. Мы выбираем себе в друзья тех партнёров, которые либо чем-то схожи с нами (сферой интересов, взглядами на жизнь, социальными условиями, статусом) либо тех, чьи свойства разительно отличаются от наших (часто это могут быть и те свойства, что нам бы хотелось развить в собственной личности). Качества индивида, приписываемые им самому себе напрямую определяют его самосознание: видит ли он себя женственным или мужественным или не женственным и не мужественным или же вовсе не находит себя в системе гендерных определений - определяется этими качествами. То есть всё теми же стереотипами женственности и мужественности - говоря языком терминологии -

феминности и маскулинности. В настоящее время даже сами женщины во многом привыкли поддерживать стереотипное поведение относительно себя. Совсем немногие из них серьёзно задумываются, на самом ли деле представления о них как о слабых и незащищенных, угнетаемых соответствуют действительности.

И покуда это так, большинству из нас весьма сложно принять для себя эталон поведения совпадающий с гендерной ролью противоположного пола и ещё сложнее принять свою гендернеконформность относительно своего пола. Это явление, называемое гендерной дисфорией, как ни странно, широко распространено среди современного человечества - в особенности, конечно, там, где нормы гендерного поведения всё ещё носят ханжеский характер предписанного гендера. Безусловно, с исчезновением рамок гендера как таковых большинство подобных проблем разрешатся сами собой. Это было бы благодатным не только в качестве устранения противоречий двух социальных групп, но позволило бы изменить подход к решению проблем каждого конкретного индивида, позволив воспринимать его не как абстрактную группу, а как личность. Кроме того это позволило бы существенно снизить социальную напряжённость и сделало бы человеческое сообщество сильным и приспособляемым целостным организмом.

Следуя схеме айсберга, можно с лёгкостью объяснить, почему именно в тех сообществах, где тема гомосексуальности была наиболее строго стигматизована, гоморомантизация искусства была более очевидна. Например, в русской и французской литературе. Причём эта романтизация приводилась отнюдь не маргинальными элементами - о примерах гоморомантической любви пишут великие классики.

В основном, это почему-то характерно для одного периода классического французского романа, которому последовали и наши российские произведения.

Яркий пример отношений женской любви-дружбы описан в произведении писательницы Эммануэль Клансье “Детство и юность Катрин Шаррон”, повествующей о жизни обычной деревенской девочки с сильным характером и добрым сердцем. Одной из сюжетных линий, описывающих чувственную и эмоциональную сторону жизни Катрин, была линия её взаимоотношений с богатой и избалованной девушкой Эмильенной - прекрасной черноволосой барышней, которая устраивает Катрин к себе на работу прислугой, чему сама Катрин несказанно рада. Девочку восхищает всё в новой подруге - и красота и знатное происхождение, да и все домашние обращаются с новой служанкой ласково. Но вместе с первыми опытами обращения в кругах богачей, где более всего ценится материальное и обесценивается доверие и простота, к юной Катрин приходит и разочарование в мире богатых людей и она возвращается к своему привычному укладу жизни, с радостью предаваясь равным и таким захватывающе новым отношениям и простым забавам со своим давним другом детства - таким же фабричным мальчишкой Орельеном. Конфликт Катрин скорее социален или даже окказиален - ситуативен, но это также и психологический, и романтический конфликт. Первый опыт неокрепшего ещё чувства и привязанности и восхищения и первый опыт изощрённого эстетического душевного переживания - первые обретения и первые утраты, связанные с объектом восхищения.

Что касается русской литературы, очень яркий пример есть у Льва Толстого в романе “Анна Каренина”, где Китти Щербатская (позже - Левина) влюбляется сначала во Вронского, а затем, будучи на водах на лечении, в свою компаньонку Вареньку. Разумеется, иначе как дружбой и привязанностью эти отношения не называются ни автором, ни читателями, но тонкий намёк скрыт в действиях и реакциях героев. Когда Китти страстно зовёт подругу приехать по истечении срока на водах погостить у неё, Варенька, будучи, по всему, девушкой умудрённой в сердечных делах,

не потакает Китти и не соглашается ехать к ней до тех пор пока та не выйдет замуж. Для чего она это делает - вывод очевиден - чтобы не дать юной, неокрепшей девушке затянуть себя в эти отношения привязанности, которые могут помешать ей потом счастливо выйти замуж.

Гетеронормные установки сообщества XVIII века всё ещё не предполагают возможности счастливого разрешения подобной дружбы-любви. Автор - Лев Николаевич Толстой, будучи знатоком современных ему нравов и обычаев, ровно как и некоторых законов психологии, прекрасно понимает, что отношения, где для такой любви не существует преград были бы пустым страданием для Китти. И Толстой, как автор, в чьём сострадании не приходится сомневаться, пытается, как и большинство мужчин-авторов, что пишут о подобном, найти примирение для своих героинь - примирение их чувственной природы с действительностью. Но это один момент. Другой же, менее гуманистически заключается в том, что Толстой был человеком взглядов природных, то есть в его понимании, даже если подобные чувства (а тема женского взаимного влечения и женского приятельства отрефлексирована в его работах очень глубоко и оригинально, учитывая, насколько мало в целом об этом говорилось в русской литературе до XX века да и после него) - даже если подобные чувства были частью природной жизни - они не имели продолжения в природе, кроме как в нежности женщины к своему потомству. Считалось - вполне закономерно в духе времени, что женщина, для которой нежные чувства в принципе естественны, со временем перенесёт их на мужчину, где потерпит определённое поражение, так как редкий мужчина способен ответить на них (впрочем, это не совсем так, ведь для четы Левиных Толстой находит этот Ксанад - личный рай, так как они идиллически дополняют друг друга, это немного отправляет, естественно нас к Аврааму и Сарре, Анне и Иоакиму, Эхнатону и Нефертити, Тутахамону и Анхесамон, Исиде и Осирису и многим другим “эталонным парам” в искусстве древнего мира.

В Войне и Мире - также, но более жёстко и реалистично - на время находят свою любовь Болконский и Наташа Ростова, Пьер и Наташа, в “Анне Карениной” Анна и Вронский тоже находят друг друга, но их любовь - не нежность, а чистая страсть, и это, согласно авторскому сюжету, всё портит и разрушает), после чего, по разумению Толстого, женщина должна перенести свои пламенные романтические чувства на дитя, чтобы и быть в последствии этим окончательно удовлетворённой.

Таковы, повторимся, романтические представления о женской гоморомантической дружбе. Нежность видится здесь естественным подспорьем Любви, её семечком, благодатным восходом. Одновременно с этим Толстой видит в женской нежности творческое начало. И тут он, конечно, опирается, на древние языческие культы и на так называемое оккультное знание. Знание о Богине и Богинях. Тайное знание об истинной природе женского существа. Знания в наши дни известного в довольно сжатом, политически корректном варианте. Это всё, разумеется, отвечало времени романтизма. Когда мужчины-писатели с радостью обратились к женской природе в поисках всего, что виделось им идеальным, в поисках той неуловимой материи, что производит любовь из небытия, из Эфира, из воздуха. Такой гностический подход был весьма плодотворен с точки зрения потепления отношений между полами а также способствовал феминизму. Сейчас он, как бы ни был прекрасен, начинает понемногу устаревать, уступая место новым веяниям. Какими они будут? Сложно предсказать. Однако, лучше, если у человечества будет как можно больше информации о своём прошлом, чтобы оно могло учесть свои ошибки и более не повторять их.

В целом, благодаря улучшению атмосферы в области отношений полов - признания женской богатой внутренней обусловленности и признания женских общественных практик наряду с мужскими, в начале XXI в., примерно с 2010 года происходят стремительные изменения в



подходе кинематографического искусства к изображению женщин. Разумеется, значительные женские персонажи в кинематографе встречались и ранее, но именно сейчас они, наконец, стали популярны и востребованы. Более того - создатели всё чаще намеренно отказываются от сексуализации женских образов (речь, впрочем, не идёт о рекламных кампаниях к фильмам - тут законы привлечения потенциального зрителя остаются прежними). Одной из топовых тем современного мирового кинематографа становятся темы женской сексуальности и женского внутреннего мира, который всё же ещё не до конца исследован из-за своей “скрытности и сакральности” (хотя до сих пор неясна природа этой скрытности: то ли мужское сообщество склонно её переоценивать, то ли такое отношение вызвано ранней культурой матриархата или в целом особенностями культурного мифовосприятия, а именно склонностью культурного человека мифологизировать и мифотворить, а, может, и вовсе банальным невежеством). Всё чаще мы видим на экране приближенных к реальности (пусть и несколько “эталонных”) женщин. И, конечно, вполне закономерно появление достоверных изображений женских отношений, будь это изображения гетеро- или гомо социальной активности.

Одной из последних тенденций в киноискусстве и мультипликации является распространение гоморомантических женских образов в мультипликации. Примерами могут послужить следующие образы: Эльзы и Анны - сестёр из диснеевского мультфильма “Фрозен” (В российском прокате “Холодное сердце” 2013. Реж. Крис Бак, Дженнифер Ли. ) - несмотря на то что мы имеем дело с изображением родственников, их отношения скорее бромансивны, однако даже этот факт не сравним с тем, что сценаристы здесь интерпретировали старинную сказку Андерсена “Снежная Королева” в типично гоморомантическом ключе, включив в развязку родственные поцелуи. Так здесь поцелуй истиной любви был обыгран впервые не в гетероромантическом, а в гоморомантическом ключе,

причём обыгран на полном серьёзе, со всей драматичностью; подобный же сценарный ход мы наблюдаем и в другой мультипликационной экранизации, на этот раз российской “Снежной Королеве” (2012. Реж. Максим Свешников, Владлен Барбэ), которая была произведена годом раньше и содержала развязку, где Герда расколдовывает девочку по имени Ирма - бывшую воплощением Снежной Королевы. Такая частота повтора одного и того же нарратива не может оставить равнодушным. Итак, **нарратив спасения одной девушки, женщины или девочки - другой женщиной, девушкой или девочкой** - один из ключевых нарративов современности.

О чём это может говорить? Разумеется, первый ответ, который приходит в данном случае это - освобождение. Подобная трактовка опирается на идею феминизма, которая призывает женщин быть солидарными друг с другом. И относит нас к другой к феминистской же идее развенчания мифа о том, что женской дружбы, якобы, не бывает. Фактически, программа, заданная полвека назад, активно вступает в силу сейчас и это репрезентируется (с одной стороны) современным кинематографом. А с другой стороны - кинематограф и служит одним из тех средств, что способствуют реализации идеи, вступая в отношение с массовым сознанием и декодируя его на разных уровнях.

Другая интересная пара: Аватар Корра и дочь машиностроительного магната Асами Сато из анимационного сериала “Аватар: Легенда о Корре”. Фактически, сюжетной линии отношений этих двух персонажей уделяется на удивление мало хронометража. Вернее, на самом деле этого экранного времени достаточно, как показывает детальное исследование, но всё дело в том, что сама структура этих упоминаний настолько близка к намёкам, что заподозрить наличие чего-то большего, чем приятельские отношения между персонажами сложно. Что тем более удивительно выглядит на фоне символов, которыми авторы закодировали данные отношения:

эпистолярная дружба, которую поддерживают героини, их объятия, которые имеют чёткие параллели с другими - гетероромантичными эпизодами сериала, а также гетероромантической линией сюжета из предыдущего сериала “Аватар: Легенда об Аанге”, и концовка, в которой героини “Уходят в закат” - то есть в мир духов, держась за руки. Финальный кадр, который мы видим - это то, как двое этих персонажей смотрят друг на друга в анфас, причём иконографика этой сцены прямо сопоставима с предыдущей гетеросексуальной сценой свадьбы двух других персонажей в этой серии. Как и в японском “национальном” кинематографе, эти сцены не вызывают никакого подозрения у неискущённого зрителя и обывателем, не имеющим представлений о гоморомантической дружбе, или гоморомантизмае воспринимаются исключительно в гетеронормативном - цис- ключе. Зачем это нужно? Ну, конечно, в первую очередь действительно, чтобы не вызывать возмущения у основной массы поклонников сериала, которые возможно отнесутся к гомосексуальной концовке с непониманием. Именно настроенность на “лёгкий финал” и “лёгкую жвачку для мозгов” части аудитории зачастую мотивируют авторов не усложнять финальную концовку сложными концептами. И в то же время такой неоднозначный финал позволил авторам сделать сразу несколько выгодных для них вещей (и овцы целы, и волки сыты): 1) Охватить тот огромный кластер американской, в первую очередь, и толерантно настроенной аудитории зарубежом, приписав главному персонажу столь популярной, раскрученной и всё же подростковой по замыслу картине неоднозначную романтическую ориентацию. Оставив интригу они смогли значительно повысить рейтинг сериала среди ЛГБТ-квир и сочувствующей аудитории. 2) Такая концепция позволила реализовать авторский замысел в нетривиальной концовке и сделать сериал запоминающимся, хотя и не слишком удачным согласно отзывам и ожиданиям зрителей. Стоило ли сделать финал открыто

гоморомантическим или оставить его открытым - это вопрос авторского замысла. Однако, стоит заметить, точки зрения конечного восприятия такая концовка выглядит несколько негармонично, вызывая у зрителя скорее недоумение, чем понимание, так как несмотря на намёки на существование романтических отношений между героями, в действительности их поведение больше похоже на обычную дружбу или приятельство - это вполне типичный ход для современного коммерческого кинематографа, призванного удовлетворить и примирить две конфликтующие стороны - толерантную и нетолерантную сторону, что, впрочем, весьма оправданно с социальной точки зрения и с коммерческой, однако идёт не на пользу искусственной стороне фильма . Напомним, подобный же подход был весьма характерен начиная с 80-х годов прошлого столетия, когда любые дружеские отношения героев могли носить в себе зерно гоморомантических отношений, что бодро подхватывается средой фанфикшена и другими заинтересованными лицами. Примером тому могут служить “Зена - повелительница воинов”, “Жареные зелёные помидоры” и многие другие. Многие современные сериалы становятся объектом бромансивного и гоморомантического фанфикшена. К таким сериалам можно отнести “Шерлок Холмс”, сериал “Сверхестественное” (Эрик Крипке 2005), линейку марвеловских фильмов про супергероев (в частности “Супер Женщина”). Основной темой взаимоотношений, становится броманс - или романтическая дружба между героями. В основном, конечно, это - Американская тенденция, как и всё, что связано с бромансивностью, той же манеры изложения придерживаются и в азиатском кино. Среди выражено бромансивных фильмов, носящих специальное название бадди-муви (buddy-movie) также можно отметить “На гребне волны”(Эриксон Кор, 2015), ситком “Boy Meets World” (1993-2000), “Я люблю тебя, мужик” (Джон Гамбург, 2009). В европейском же кинематографе тема гоморомантической дружбы хорошо выражена во

французском кино: «Такси» (Жерар Пирес, 1998), «Невезучие» (Франсис Вебер 2003). «Мой лучший друг» (Патрис Леконт, 2006). Вариант отношений женско-мужского броманса представлен в новой экранизации известной манги «Призрак в доспехах» (2017).

### **Выводы**

В основном, на данном этапе развития гоморомантические отношения переживают своеобразный период своего признания: это «подражание» гетероромантическим канонам. Даже несмотря на юридическую легитимизацию однополых отношений, в целом, продюсеры всецело зависят от консервативнонастроенной аудитории. В-третьих: тематика гоморомантической дружбы всё ещё остаётся «белым пятном» - неисследованной единицей кинематографа. В-четвёртых: хорошо проработанные гоморомантические образы преимущественно рождаются в пределах небольших авторских произведений, либо произведений авторов-мастеров.

### **3. ГОМОРОМАНТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ ЯПОНИИ**

В данной главе мы изучим проявленность гоморомантических образов японском искусстве. Проанализируем нарративы, с этими образами связанные. Рассмотрим отношение автора к персонажу (ам)-носителю(ям) гоморомантического образа в произведениях и попробуем понять, насколько удачно и что именно выражает этот образ.

#### **3.1. Для чего необходимо изучать японскую гоморомантическую культуру**

Для чего необходимо изучение японской гоморомантической культуры в современном мире, в чём разница мировоззрений европейцев и японцев и что уникального мы можем обнаружить, изучая японскую культуру - об этом подробно будет рассказано в данном параграфе.

Проблема изучения гомосексуальной и гоморомантической культуры заключается в укоренившемся иудео-христианском воззрении современных европейцев и их культурных реципиентов, в частности, как это ни отрицается, России. В большинстве своём современные

представители общественного мнения политики и власти любят отрешиваться от каких-либо тесных взаимосвязях с современной Европой. И немудрено. Ведь современная Европа радикально обратилась в сторону других взглядов, нежели те, что объединяли веками Католическую Европу и Православную Россию. Итак, проблема Западного общества как носителей религиозно-догматической идеи в неспособности оценить японскую культуру вне своих ценностных ориентиров. Учитывая специфику различия японской культуры и Европейской (и Российской) можно сделать вывод о множественных ограничениях, накладываемых на христианское (и даже светское) сообщество догматами. В частности, дело касается сексуальных практик и наслаждений прелестями жизни. Так как многие годы, века, тысячелетия, идеи о порочности земных наслаждений насаждались в христианской культуре, совершенно невозможным стало само спокойное отношение. Мы естественно, ввиду своего культурного и психологического устройства воспринимаем сексуальность с точки зрения патологии, греха, соблазна - не в самом позитивном контексте. Однако сталкиваясь с “более примитивной” на наш взгляд культурой внезапно обнаруживаем поражающее нас “бесстыдство варваров”. И эти наши определения кажутся нам единственно верными. Однако, если мы попробуем изучить, что же кроется за этим кажущимся “бесстыдством”, то мы увидим удивительный мир - мир других координат, где жизнь измеряется чуточку иными категориями. Именно это открытие поражает любых начинающих и уже опытных японистов.

В отличие от Древней Греции, которая, как Атлантида, ушедшая под воду, для нас более культурно недосыгаема, Япония - всё ещё живая, всё ещё существующая и своеобразная культура. И то богатое наследие, что она содержит - тот комплекс взглядов, моральных, этических, эстетических особенностей - настоящее достояние современной цивилизации. Именно поэтому так важно обращаться к имеющимся у нас источникам,

анализировать их, сохранять и освежать свои взгляды на них, постепенно очищая наше внутреннее зрение от шелухи наслоений собственной культуры. Также важнейшим навыком для человека третьего тысячелетия является способность глядеть на культуру и видеть её саму, а не себя относительно её. То есть видеть даже чужую, даже иноземную непонятную культуру с точки зрения её носителя. Только так, “пройдясь в чужих башмаках”, оценив ту или иную концепцию и со стороны и изнутри, можно достичь сравнительно объективного знания о чём-либо. Знания, конечная цель которого дополнять людей, развивать их, делая более совершенными, более гибкими, более адаптивными, живучими и более счастливыми.

### **3.2. Гоморомантичность и гомосексуальность в Японском обществе.**

В данном параграфе речь пойдёт о таких понятиях как гоморомантичность и гомосексуальность в японском обществе и их важнейшем значении для средневековых японцев. Параграф раскрывает историю появления в Японии концепта гоморомантичности и гомосексуальной любви.

Особенностью японской гоморомантики следует считать её нравственность. Гоморомантические отношения испокон веку считались основой нравственного воспитания юношей. Привязанность молодых людей и в особенности юношей друг другу считалась естественной нормой социального поведения. Гомосексуальные отношения как практика “благородной любви” в воинском сословии в эпоху Эдо получила название “Сюдо” или “Путь мужской любви”. Таким названием обозначались мужские взаимоотношения в классе воинов, где старшие воины брали себе в любовники младших и учили их кодексу воинской чести, воспитывая в них качества воинов и передавая накопленные знания и ценности. Подобные практики, как мы помним, широко распространены



были во многих “примитивных” сообществах и, очевидно, не имели в своей основе ничего революционного - лишь следование традиции.

Гомосексуальность же до определённого момента не имела символического значения “инаковости”. Гомосексуальные действия считались лишь прецедентом в общей картине действий, но никак не паттерном социального поведения. Такое положение напрямую связано с понятием о долге, являющемся ключевым в японской культуре. Дело было не в том, любил японец человека своего пола или другого, а скорее в том, к чему его обязывало положение в обществе - а чаще всего оно предполагало женитьбу, причём для крестьян и для знати причины для женитьбы могли различаться. Так, человек, имеющий гомосексуального возлюбленного мог (и в большинстве случаев так оно и было) иметь семью и гомосексуальная связь не считалась при этом противоречащей его образу достойного мужа.

Изначально, японская гоморомантическая традиция была заимствована из Китая вместе с основными ритуалами китайского двора и буддийскими источниками. В средневековом Китае знатные люди часто имели при себе симпатичных юношей для услуг и услаждения и это считалось обычной практикой светской жизни. Подобная же традиция укоренилась и в японских аристократических кругах довольно стремительно, как и всё китайское.

Согласно хроникам Сёку Нихонги (797 г.н.э.) известно, что некий принц, внук императора Тэмму в 749 г. вступил в отношения с мужчиной воинского сословия и этот факт нашёл отражение в летописи.

В 8-12 веках буддийские монастыри стали настоящим источником гоморомантических притч. Так, несмотря на то, что сексуальные связи были в целом запрещены, гоморомантические и гомосексуальные связи были широко распространены. Часто субъектами таких взаимоотношений становились монахи-братья, а также монахи-наставники и их ученики. Считалось, что так, через привязанность, ученики перенимали и важные

знания, а тесные взаимоотношения обеспечивали прочность таких связей, а значит и прочность преемственности традиций и канонов.

Так, из хроники Нихон Сёки (720 г.н.э.), мы узнаём о преданной любви между двумя монахами Сино и Аmano. Причём эта преданность, которая отличает большинство изображаемых гоморомантических связей в японской традиции, длится до самой смерти героев. Когда один из братьев умирает, другой добровольно следует за ним. И это - часто повторяющийся нарратив в японской культуре.

На наш, современный российский взгляд это должно выглядеть немного странно, но именно религия и дворцовый этикет сделали гомосексуальные отношения самыми обыденными и распространёнными вещами в японской культуре, а гоморомантичность соответственно одним из распространённых нарративов в поэзии, живописи, театральном искусстве.

Иной вопрос, что статусность таких отношений в некоторые периоды истории находилась под вопросом. Так в 1873 году был подписан указ согласно которому гомосексуальные связи считались незаконными, но уже спустя три года данное положение было отменено свыше как не имевшее под собой ни существенной пользы, ни реального выполнения. Оно лишь раздражало приверженцев гоморомантического чувства, среди которых была практически вся знать и воинское сословие. (Anne Walthall. Review of Pflugfelder, Gregory M., Cartographies of Desire: Male-Male Sexuality in Japanese Discourse 1600-1950. H-Japan, H-Net Reviews. May, 2000).

Не стоит, конечно, считать, будто женщинами в Японии не интересовались вовсе. Но для большинства самураев и их знатных господ брак с женщиной осуществлялся по расчёту. А вот любовная связь с мужчиной могла стать настоящей отдушиной. Ведь, как правило, эти связи существовали между старшим и младшим воинами и тогда они, подобно легендарному греческому войску, отправляясь в бой всегда могли быть

рядом с любимыми. На деле же такая система, как и во многих других древних сообществах способствовала социализации подрастающих юношей, привития им моральных устоев и обучения доблестям воина - не только храбрости в бою, но и любви, и искусству.

Для японцев как для нации чрезвычайно важен был эстетический аспект. Любовь между двумя мужчинами считалась “Высокой любовью” или “Небесным путём”. В отличие от любви с женщиной, любовь эта не приводила к продолжению рода, но порождала духовную связь. Кроме того такая связь могла длиться годами и не имела (в отличие от контактов не по любви, что также бывало среди юношей их старших по положению товарищей) корыстной цели. То есть была *абсолютно духовной*.

Совершенно особая атмосфера царила в буддийских монастырях, где братья часто создавали однополые союзы между собой. Такое поведение не афишировалось, но и не порицалось. Существовало множество острот, анекдотов и шуток на подобные темы, но порицалось это ещё менее, чем бы порицалась невоздержанность монахов или их праздный образ жизни или какие-то иные пороки.

Серьёзное влияние на гоморомантизацию японского общества в разное время оказывали переодевания мужчин в женщин. Стоит отметить, что до сих пор такие переодевания пользуются популярностью в японском обществе. А восприятие переодетого мужчины как сексуального объекта со стороны другого мужчины вовсе не является чем-либо зазорным и даже не является гомосексуальным в прямом смысле. Это отношение японцев к мужскому переодеванию - ещё одна характерная черта. В отличие от Американской культуры, где объектом вожделения считается “альфа-самец”, эстетические характеристики вожделенного мужчины в японской культуре несколько другие. Он, как правило, женственен или по крайней мере имеет благородные или правильные черты лица. Кроме того, как показывает современная практика, транссексуальные женщины (бывшие

или скрывающие свои морфологические признаки мужчины) пользуются такими же правами, что и женщины с той разностью, что статус переодетого мужчины всё ещё выше статуса женщины - даже если этот мужчина и определяет себя как женщину.

**Театр Кабуки** - традиционный японский театр, где аристократы, и люди более простого происхождения собирались на красочные вечерние представления, зародился в середине 16 века. Позже он перерос в национальное развлечение и классический вид искусства. «В эпоху Эдо, на которую приходится основной период развития Кабуки, дистанция между классом воинов, аристократией и простым народом соблюдалась более строго, чем в какое-либо другое время японской истории. Искусство Кабуки было распространено в те дни главным образом среди купеческой прослойки. Эта часть населения достигла большого экономического могущества, но занимала низкое социальное положение, так как не принадлежала к классу самураев. В этих условиях Кабуки имел для них важное значение, являясь средством художественного выражения их чувств и стремлений. Поэтому основной тематикой пьес Кабуки были конфликты между человеком и феодальной системой» (<http://japantoday.ru/>).

Развитие театра Кабуки тесно связано с гоморомантичностью средневекового японского общества. Когда в 1629 сёгунат из-за беспорядков и якобы “нравственного разложения” запретил женщинам выступать в театре Кабуки, гоморомантический уклад жизни зацвёл новыми цветами. Теперь юные и свежие, как лепестки весенних цветов актёры театра превратились в центральную мишень для воздыхателей и обожателей прекрасного. Это стало весьма отдалённо напоминать европейский театр времён Шекспира, где прекрасные набелённые и разубранные нарядами дамы на сцене - в закулисной жизни оказывались не менее прекрасными юношами. Однако после этого указа беспорядки вокруг театров Кабуки только возросли, так как вокруг таких юношей стали

собираться целые толпы ревнивых поклонников. Часто в местах представлений процветала также проституция (“торговля весной”), и возникали беспорядки. Поэтому в 1653 году правительство ограничивает возраст участников театра (актёров) возрастным порогом. Теперь только зрелые и возмужавшие мужчины могли играть в театре. Мастеров такого жанра называли “Оннагата” или “Ояма” и их редкая способность заключалась в точном воспроизведении женского стиля поведения. Они не только переодевались и красились, как женщины, но и вести и двигаться должны были себя подобающе, чтобы у зрителей возникала полная иллюзия женщины на сцене.

Что касается женской гомосексуальности, то о ней известно гораздо меньше, чем о мужской. Строго говоря в Японской гласной традиции женской сексуальности как таковой не существует (до недавнего времени) в принципе. Однако существуют упоминания о ней в средневековой литературе и более поздней традиции. В основном, женская сексуальность и её “затененные стороны” находят отражение в немногих гравюрах эпохи Эдо, а также в многочисленных литературных памятниках, хотя их влияние значительно ниже, чем у мужской развитой гоморомантичности. Что же касается женской чувственности, то она воплощена в поэтических памятниках японской культуры сполна, однако природа женской японской гоморомантичности покрыта завесой тайны, приоткрыть которую в настоящее время довольно сложно, так как практически отсутствуют переводы на русский язык подобных исследований. Заметим, что это - перспективный вид исследований современности, которому только предстоит открыть свою солидную нишу в культурной антропологии и антропологии художественных образов.

### **3.3. Гоморомантические образы в произведениях японского искусства. Гоморомантическая эстетика Японии**

В данном параграфе приведено небольшое исследование японских произведений, содержащих гоморомантические образы, а также описание некоторых явлений искусства и культуры, напрямую влияющих на восприятие гоморомантики в японской культуре. Произведения проанализированы с точки зрения отображения культурных реалий аномалии и нормы в них, сделаны соответствующие выводы. В заключительном параграфе главы представлены результаты исследования а также описание методики, при помощи которой можно обрабатывать подобные исследования для получения наиболее наглядного результата.

В эпоху Эдо происходит расцвет гоморомантической поэтизации. Гоморомантика становится повседневным предметом изображения. Известно, что примерно 3% из всех гравюр этого периода изображают сцены мужской гомосексуальной жизни. И 1% - это картины, на которых изображены женщины, тоже в гоморомантическом ключе. Среди мастеров изобразительного искусства, выполнявших работы на тему гоморомантики были такие прославленные мастера как **Хокусай** и **Хиросигэ Андо**, **Иссэ Миягава**, **Утамаро Китагава** и другие.

Картины изображают бытовые сцены, сцены эротического характера, выполненные в привычной нам технике группового портрета. На переднем плане, как правило, изображены двое мужчин либо в любовно-нежной позе либо в процессе совокупления. Соблюдается обычная в таких случаях манера изображения персонажей полубоком к зрителю.

Любопытный пример изображения гоморомантических отношений представлен картиной **Иссэ Миягавы** “**Мужчина и юноша**”. На картине изображены двое в традиционных японских одеждах-кимоно, слившиеся в поцелуе. Эта картина может напомнить нам многочисленные изображения

борделей, . Дело в том что по внешнему виду весьма непросто разобраться, гомо- или гетероромантические отношения мы наблюдаем. Персонаж справа маскулинен и имеет причёску весьма характерную для самурая. Персонаж слева нарочито женственен и изнежен: кожа его бела, черты лица нежны и утончённы а кимоно женственных розово-пунцовых тонов, украшенное золотым шитьём. Если не знать, что перед нами юноша, то можно принять изображённое за пример гетеросексуальной любви.

Но иконография ясно свидетельствует об ошибочности такой версии. Сама поза персонажей красноречивее всего показывает, что перед нами не мимолётная, ничего не значащая связь, а настоящая романтическая привязанность. Во-первых, персонажи изображены по центру в одинаковых позах, что свидетельствует с одной стороны об их равенстве - с другой же - об их воссоединении. Эта пара не просто слита в поцелуе, она совершает акт воссоединения, как две части композиции соединяются там, где встречаются тела влюблённых. Фактически, на картине изображён равный союз, чего нельзя было сказать об абсолютном большинстве изображений гетероромантических или гетеросексуальных отношений, иконография которых как правило соответствует композиции двух стрел - либо лежащих параллельно друг другу, либо перекрещивающихся. Здесь же мы имеем дело с эталонными чувствами - высокими чувствами. Нежность и трепетность, с которой происходит этот поцелуй говорит о наслаждении, об упоении мужчин друг другом и полной гармонии в их взаимоотношениях. Возможно, возлюбленные только обрели друг друга и это - лишь весна, первые цветы их взаимоотношений.

Совсем другую картину можно наблюдать в произведении **Китагавы Утамаро “В мужском борделе”**. Там мы наблюдаем типичную для изображения сексуальных сцен кривую композиции, где два действующих лица, очевидно, - мужчина-проститутка и мужчина клиент готовятся к

соитию. С правого верхнего угла в левый нижний проходит диагональ. Семе - нападающий в таких отношениях находится в возвышенном положении по отношению к Уке - принимающему. Как мы видим, эти отношения изображены иерархически. Уке - более женственный партнёр. Фактически. Из-за занавеси подглядывает женщина - мы видим её лицо. То есть здесь, в отличие от предыдущей работы мы видим отношения, совершенно лишённые интимности и чистоты. Если влюблённые на картине Иссе Миягавы как-бы одни в своём идиллическом мире, то здесь акт совокупления происходит непосредственно среди увеселительного учреждения в бардаке и неразберихе. Стоит отметить, что две этих ипостаси гоморомантического бытия в японской культуре - составляли существенную часть мировоззрения японцев: любовь Сюдо - благородная и чистая, высокая любовь и продажная любовь, которой, в частности занимались актёры театра Кабуки. Тот же контраст мы наблюдаем и у Ихара Сайкаку в его книге "Великое зеркало любви мужчин", о чём мы упомянем ниже.

### **Литературные произведения**

В первой половине XX века известный историк **Дзюньичи Ивата** составил список из 457 произведений японской литературы, посвящённых тематике гоморомантики и гомосексуальных связей. Причем более 400 из них были написаны в период японского средневековья, а также раннего нового времени - то есть примерно за 500 лет с XII по XVII века. Причём большая часть из них приходится на "Возрождение" японского искусства XVI столетие нашей эры. В данном параграфе мы проанализируем несколько выбранных произведений средневекового и современного литературного и кинематографического искусства с точки зрения включённых в них нарративов и образов.

**Мурасаки Сикибу.** Одним из первых документированных



упоминаний гоморомантических образов в японской литературе были **Сказания о Гэндзи**. Книга представляет собой художественное произведение, описывающее образ жизни влиятельного дворянина в свойственной японскому искусству манере простоты и лёгкости в изображении интимных подробностей. В одном из эпизодов главный герой Гэндзи делит ложе с юношей после того, как ему отказала сестра этого юноши. И это не единственный эпизод из “Гэндзи”, где описываются подобные отношения, а также многочисленные намёки на них.

**Ихара Сайкаку**. Другой известный новеллист жил в середине XVII века. Темой его работ были любовные приключения. Автор писал обо всём, что видел и наблюдал. Его наблюдения философски, точны и отражают нравы времени. И в то же самое время они актуальны и свежи и подчёркиваются особенным стилем автора. В честь него этот стиль и был назван “Укиё-дзоши” - то есть красота ускользающего (“книги об изменчивом-текущем мире”) ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Ихара Сайкаку](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ихара_Сайкаку)).

Его работа “Великое зеркало любви мужчин ” - выдающееся достижение в области исследования мужской и женской любви. Книга представляет собой собрание историй о самураях, чьими интересами, разумеется, были юноши. Описываемые автором отношения впервые оформляются как совокупность достоинств таких как верность, преданность, отвага, взаимопомощь и взаимовыручка, жертвенность. Описанные автором истории ни что иное как эталон - образец мужской любви и дружбы (что часто сливалось в японском понимании мужской любви). Квинтэссенцией взглядов автора можно назвать к примеру цитату *«Сравнивая любовь к мужчине и любовь к женщине, мы видим, что, как бы красива и нежна ни была женщина и как бы низок и необразован мужчина, просто невозможно обсуждать эти две разные формы любви как нечто равное. Женщину можно уподобить вьющемуся растению: как бы прекрасны ни были его цветы, оно обладает ползучими щупальцами,*

*которые обвиваются вокруг нас. А юноша подобен цветку, всегда растущему прямо и одиноко, но зато обладающему неопишимо прекрасным ароматом, подобным аромату первого цветка сливы. Вот почему, обсуждая их относительные достоинства, приходишь к решительному отказу от женщин в пользу мужчин».*

Данная цитата абсолютно органична с точки зрения своего смысла и нравы эпохи полностью с ней согласны, однако удивляет лишь авторство этих строк. Ведь широко известно, что автор был счастливо женат и любил свою жену и горевал по ней. Всё вместе это вызывает некое недоумение с точки зрения европейского взгляда. В предисловии к своей книге Сайкаку говорит своему читателю: *«Ничто на свете не способно дарить нам большую радость, чем любовь юноши; без колебаний вступайте на этот путь!»*. То есть по сути путь “небесной любви” всё же не является обязательным и само собой разумеющимся для всех. Иначе, зачем бы это напутствие могло существовать? Однако, существует мнение, что книга эта была написана Сайкаку на заказ под нравы самурайского сословия, что впрочем не умаляет её искренности и убедительности.

Весьма интересно, насколько разительно отличаются две части книги. Первая - про отношения влюблённых самураев, связанных клятвами верности и стремящихся любой ценой доказать верность избраннику и вторая - про актёров театра Кабуки, а фактически про продажную любовь.

Приведём описание сюжета одного из рассказов, который отличается от большинства других чрезвычайной идеализированностью, но вместе с тем большим правдоподобием, чем некоторые другие рассказы. Речь идёт об истории о некоем юноше самурайского сословия по имени Кацую. *“Некий даймё, проезжавший в носилках по улице, случайно увидел Кацую. Его красота привлекла внимание князя, и он взял Кацую к себе на службу. Благодарный юноша мечтал доказать свою признательность, пожертвовав жизнью ради своего господина, и даже держал наготове*

кинжал и специальный костюм для совершения харакири. Но непостоянный даймё, несмотря на клятвы в вечной любви, которыми они обменялись, скоро увлётся другим юношей. Как раз в это время Кацуя находит письмо матери, которое он должен был распечатать по достижении совершеннолетия. В письме сообщается имя убийцы его отца и содержится приказание совершить акт мести. Даймё поддерживает стремление Кацуя выполнить свой сыновний долг. Кацуя пускается в путь и вскоре встречает нищего, в котором узнаёт своего давнишнего приятеля, самурая Гэнскэ; тот совсем опустился, стал отверженным в обществе. Вечером Кацуя навещает Гэнскэ в квартале париев у реки. В этой сцене чувствуется живая правда, отсутствующая в остальных рассказах книги. Кацуя рассказывает Гэнскэ, что скоро отправится в путь - разыскивать убийцу своего отца. Он также поясняет, что в прошлом, когда Гэнскэ посылал ему любовные письма, он не мог отвечать ему, так как был связан обязательством перед другим мужчиной, теперь же готов провести с ним ночь. Гэнскэ вне себя от радости. На следующее утро он дарит Кацуя богато украшенный меч, свою фамильную драгоценность, чтобы с помощью этого меча совершить акт мести. Следует отметить, что идеальная любовная линия (идеальная в первую очередь с точки зрения самого Сайкаку) в этом большом сборнике абсолютно гетеронормативна с нашей точки зрения. В том плане, что в ней соблюдены основные каноны, необходимые для развития гетероромантичных образов в произведении. Чем не типичный образ для рыцарского или авантюрного или даже женского романа? Проведённая совместно ночь после которой один из возлюбленных получает в подарок от другого фамильную ценность. Налицо типичные клише концепта романтической любви.

Образ японского эталона моногамен, верен, честен, постоянен в своих привязанностях и полностью реализован в плане исполнения долга: перед обоими родителями, перед своим даймё, перед любовником, перед самим

собой. Герой, воплощающий образ идеала предан своим принципам и в то же время, как ни странно, эта история имеет хороший конец. Если мы посмотрим на другие сюжеты, то традиционная мужская любовь, как, собственно, и большинство самурайских историй заканчиваются не столь радужно.

В чём же состоит суть исключения, сделанного в эталонном рассказе? Ответ прост: чистота души (которая обеспечивается чистотой поступков юноши, почитанием законов чести и отдачей долгов) и подлинная взаимность. Дело в том, что любовник нашего героя тайно следует за ним в дальнее селение, где тот мстит за смерть отца, и помогает своему возлюбленному бежать целым и невредимым, после чего они с торжеством возвращаются к даймё главного героя. Фактически, честность одного и честность (то есть верность чести) другого позволяют героям остаться невредимыми: любовь восторжествовала. Вот только это не та страстная любовь, о торжестве которой мечтает вся европейская литература. Здесь торжествует любовь долга. И, по мысли автора, именно она и есть, в отличие от любви страсти и любви плоти, та подлинная сила, которая способна превозмочь всё. И дело тут вовсе не в том, что японцы, подобно европейцам стыдятся своей плоти - нет. Просто плоть, как и весь человек во-первых не более чем плоть - вместилище духа, и во-вторых плоть человека, как и его дух принадлежат долгу. То есть на самом деле любовь самураев (в том виде, в котором её прославляет Сайкаку) есть ни что иное как Честь в чистом виде. Стоит ли удивляться, что обладающий ею остался и жив, и счастлив? Мораль такой концовки очевидна: "Это был поистине неслыханный случай, заслуживающий описания как образец поведения юношей. Любовь мужчин всегда должна быть такой"!

### **Юкио Мисима.**

Одной из ярких фигур гоморомантической литературы в Японии является Юкио Мисима - наиболее известный в России по своей работе

“Исповедь маски”, полуавтобиографической повести, повествующей об отрочестве японского мальчика. Тема гоморомантических отношений раскрыта в частности через образ главного героя, влюблённого в некоего мальчика из школы. При этом в романе прослеживается. Строго говоря, тема гоморомантики, несмотря на то что работа считается классической, раскрыта довольно слабо и неярко. Она практически теряется на фоне чувств и переживаний взрослеющей души, которые выступают здесь на первый план.

Отдельно стоит рассмотреть культуру японского кинематографа **60-70х годов XX века. Якудза Эйга.** Якудза Эйга - в буквальном переводе означает “Ганстерское кино” - кино про ганстеров. Данный вид фильмов обрёл особую популярность в “бунтарские” 1960-е годы XX столетия в Японии. Типичные фильмы Якудза Эйга рассказывают нам о судьбе японских ганстеров - Якудза. Как правило эти сюжеты носят героико-романтический характер и направлены на широкую аудиторию взрослых. Это своего рода рефлексия на актуальные темы японской истории. По своему нарративному строю они, подобно тому как фэнтези опирается на сказки, опираются на средневековые сказания о самураях. Большинство из них в точности повторяют основные нарративы и идеалы, которые мы видим в литературе эпохи Эдо - точь-в-точь совпадают с идеалами Якудза Эйга. Та же преданность, верность и честность, только теперь верность якудза принадлежит не Даймё, а клану, своей группе или её главарю. Впрочем, верность возлюбленному теперь тоже именуется несколько иначе - теперь гомромантичность вуалируется и уже не так очевидна, она принимает формы бромансивной привязанности, а возлюбленный заменяется Братом или Большим Братом. Впрочем, нарратив остаётся всё тот же: главные герои стремятся показать друг другу свою отвагу и верность ценой собственной жизни. Это весьма отчётливо напоминает сериальную традицию России конца девяностых годов, когда

романтическими героями становятся ганстеры - благородные и не очень, но неизменно притягательные в своём мужестве и самоотречении. Это типичные романтические герои, обладающие всеми признаками жанра романтизм. Они и одиноки, и противопоставлены обществу, и обстоятельства их жизни исключительны. Такими их хотят видеть зрители. И совершенно не зря ганстерские боевики пользовались популярностью в 60-е. Люди, уставшие от перемен и боявшиеся грядущей неизвестности искали. Также, 60-м свойственно ретроспективное обращение к былым временам и прямые цитирования ушедших эпох. таким примером является серия фильмов “Благородная история времён Сёва”, повествующая о судьбе воинов. При чём практически в каждой из “историй” присутствует латентный гоморомантический образ, чаще всего переходящий не то в броманс, не то просто в восхищение, но призывающий к преданности и самоотверженности. Фильмы, содержащие гоморомантический бромансивный образ: «Врата юности» (Seishun no mon. 1975), «Благородная история времен Сёва: Человеколюбие и справедливость львиной собачки среди пионов» (Showa Zankyo-den: Karajishi jingi. 1968), «Благородная история времен Сёва: Волк-одиночка» ( Showa Zankyo-den: Ippiki okami. Реж. Микэ Такаши. 1966), И более поздние: «Годзу» (Gokudō kyōfu daigekijō: Gozu. 2003) и «Убийца Ичи» (Koroshiya ichi. Реж. Микэ Такаши. 2001), «Точка кипения» (Jūgatsu. 1990), «Блуждающие огни» (Onibi. 1997) и др. А вот пример нетипичного броманса, где женский персонаж становится вторым протагонистом, что редко встречается в фильмах того времени в принципе: «Игрок Красный пион» ( Hibotan Bakuto. 1968 — 1972). (Денисов, И. Якудза эйга. Жанровое кино по-японски. Русский Журнал. 2011)

### **Харуки Мураками.**

В работах популярного современного (начало писательской карьеры

- 90-е годы XX столетия) писателя Харуки Мураками тоже немалое внимание уделено теме гомосексуальных и гоморомантических отношений. Эта тема упоминается так или иначе в его бестселлер-романе “Норвежский лес”, в романе “Кафка на пляже”.

Целая книга “Мой любимый Sputnik” посвящена первой влюблённости главной героини Сумирэ в женщину - кореянку Мью. Юная и беззаботная Сумирэ - начинающая писательница, которой всё никак не удаётся написать чего-нибудь стоящего или хотя бы просто закончить книгу. Она молода, талантлива и полна надежд, но все её мечтания скорее гипотетически, говоря прямо она и сама не знает, чего хочет от жизни. Именно в этот момент происходит событие, меняющее её жизнь. Она влюбляется. С поразительной силой и точностью описан этот момент в книге Мураками и именно им и открывается книга, как бы настраивая читателя, что вот он - момент истины, завязка сюжета, ключ ко всем последующим событиям: *“В ту весну Сумирэ исполнилось двадцать два года, и она впервые в жизни влюбилась. Сумасшедшая любовь обрушилась на нее, как смерч, способный вмиг опустошить бескрайнюю равнину: все, что имеет хоть какую-то форму и попадает на пути, он сметает под корень, без разбору швыряет в небо, ни за что ни про что кромсает в клочья и корежит до неузнаваемости, после чего, нимало не утратив мощи, уносится к Тихому океану, безжалостно рушит Ангкор Ват, по пути, в индийских лесах, испепеляет семейство несчастных тигров, в персидской пустыне превращается в самум и хоронит в песке целый экзотический город-крепость. В общем, любовь поистине монументальная. Человек, в которого Сумирэ влюбилась, был старше ее на семнадцать лет. Семейный человек. И кроме всего прочего — женщина. Вот с чего все началось. На этом все и закончилось. Почти все...”* И это - без сомнения лучший, наиболее экспрессивный момент в книге. Стоит отметить, что такая композиция довольно редко используется в литературе

- композиция, которая сразу, с первой же строки относит нас к самому центру сюжета.

Подобная черта свойственна разве что “Лолите” Владимира Набокова. Шесть абзацев, вкратце описывающих всю суть ситуации - имя, рост и объект обожания во всех доступных ракурсах, несколько сюжетных линий романа, в которых уже ознакомленный с книгой читатель обязательно найдёт эскизы всех основных линий как конспект с предельно сжатым содержанием. И всё. Этого достаточно, чтобы читатель сразу понял, о чём произведение. Но - тем не менее - прочтённое настолько увлекает его, настолько обещает все те наслаждения и муки, которые описаны вначале, что читатель не только не откладывает книгу, но напротив приходит в полный восторг от этих первых нескольких строчек. И далее всё его чтение как бы мысленно уже задано и скорректировано этими несколькими строчками.

В данном произведении гоморомантическая влюблённость Сумире становится сюжетообразующей. Эти отношения, их развитие и развязка служат холстом, на котором мы видим характерный почерк автора-Мураками. Фактически, произведение строится из чувств и переживаний главных героев, которые они анализируют по Фрейдистской причинно-следственной схеме. Но в то же время отношения героев просты, чисты и незамысловаты. Так Сумирэ влюбляется в Мью, которая любит Сумирэ, но не может ответить ей взаимностью из-за собственной неспособности к каким бы то ни было отношениям. Рассказчик - один из трёх главных героев тоже влюблён в Сумирэ, но та его будто не замечает - для неё он - друг и добровольный слушатель, фактически - зритель её уникальной одиночной пьесы - драматургии жизни. В конце концов Сумирэ очень не может смириться с вынужденной холодностью своей возлюбленной и убегает в неизвестном направлении, пропадая из дальнейшего повествования и жизни книги. В самом конце она неожиданно находится, но происходит ли



это в реальном мире или на грани миров - неизвестно. Это - черта, характерная для работ Мураками.

### **Гоморомантичность в современном Японском масс-маркетинге.**

В конце прошлого столетия вхождение в обиход и популяризация японских видов современного искусства и литературы, а позже и кинематографа - комиксов **Манга** и Анимационных произведений - **Анимэ** - рынок гоморомантической продукции расцвёл очень стремительно. И сейчас около трети всей жанровой продукции включают в себя так или иначе гоморомантические нарративы, продолжающие, подобно тому, как это происходит в европейском кинематографе и как это было в средневековой японской литературе, дублировать нарративы и символы гетероромантического уклада. Подобная продукция пользуется большим спросом среди молодых девушек. Это связано как с психологической предрасположенностью данного потребительского сегмента рынка, так и с романтической неудовлетворённостью и нарастанием сексуального кризиса в Японской культуре. Что в свою очередь связано со сменой ценностных ориентиров в новом поколении японцев. На данный момент существует несколько самых популярных жанров, описывающих гоморомантические отношения разной степени эротизированности: это мужские жанры - яой, сёнен-ай, женские - юри и сёдзё-ай. Также гоморомантические образы и нарративы с ними связанные могут встречаться и в других жанрах, не связанных напрямую с тематикой гоморомантичности.

В конце прошлой главы мы упомянули о распространении в мультипликационной среде гоморомантических образов и нарративов. Этот факт достоин особого замечания - потому что вплоть до последнего времени гоморомантические отношения в мультипликации были, в основном, уделом сугубо развлекательной узконаправленной категории японского аниме. И там они рассматривались в ключе исключительно

фансервиса для молоденьких женщин и девушек. Это связано, прежде всего со спецификой японского рынка. Так, несмотря на заявления правительства о борьбе с сексизмом, женская роль исторически была минимизирована в искусстве довольно долгий период и, следуя традиции, спрос на такую продукцию тоже был бы невелик: её просто не восприняли бы так, как это было с Фрозен, она просто не нашла бы свою аудиторию.

Но, впрочем, нет. На сегодняшний день аудитория как раз имеется.

В конце прошлого столетия Японию накрыла волна феминизма. Этот процесс продолжается и сейчас. Всё больше японок предпочитают карьеру семье. Однако - это не единственный фактор. В последнее время японский кинематографический рынок довольно медленно, но уверенно обращает внимание на сегмент ЛГБТ-квир. Выпускаются фильмы, предназначенные как для этой узкой аудитории, так и для широкой, повествующие о гоморомантичных и даже гомосексуальных отношениях. Причём образы эти, в отличие от западного кинематографа, в основном, трактуются как положительные. И, что самое замечательное, это отнюдь не фансервисовые образы, а картины, претендующие на искусство, пусть и молодое и пока ещё неотёсанное, но искусство в самом социальном его понимании. Следует отметить, что говоря о Японии, мы будем делать завидное исключение в вопросе о разделении эротического и романтического начал. Большинство лент, включающих в себя темы гомосексуальности, для широкого проката гоморомантичны и не содержат никакого вызова в себе.

Итак, мы проанализировали несколько памятников и направлений искусства Японии, отражающих отношение японской культуры к гоморомантичности. В следующем параграфе мы подробнее остановимся на их анализе и попробуем сделать выводы.

### **3.4. Анализ полученных данных**

В начале своего исследования мы задавались вопросом: к чему оно

приведёт? Что именно, какой результат хотим мы получить в результате исследования японских источников. И теперь можно смело сказать, что результат этот нагляден. И то, насколько полезными могут быть исследования образов антропологических аномалий, мы постараемся продемонстрировать в этой части.

В данном параграфе мы рассмотрим закономерности имеющие начало в корнях антропологической аномалии Гоморомантичность и выявленные при континуальном анализе имеющихся источников, отражающих быт, нравы и восприятие мира средневековых и современных японцев. Полученные данные помогут создать совершенно новое видение картины японского мировоззрения через призму образов, выражающих их взгляды на Идеальное.

Когда мы исследовали данные о выраженности искомой нами антропологической аномалии в образах искусства Японии, мы ожидали от этого исследования нечто большего. Проще говоря мы ожидали получить от этого конкретный практический результат. Зачастую, гуманитарные исследования, замкнувшись на себе, хотя и несут мощный эстетический и философский порыв и раскрывают эстетическое видение как автора, так и художника, не имеют выхода на более широкий уровень перспектив. Такие работы, безусловно, нужны для сохранения информации об источниках, ими описываемых, а также для обнаружения философских связей между объектами. Нас же в первую очередь интересовали любые возможные закономерности между объектом и предметом исследования и между нашим исследуемым материалом- материей - искусством.

Итак, анализируя континуальный рисунок описываемых произведений искусства, который состоял из нескольких параметров: времени (датировки), сюжета (нарратива) и восприятия (интенции)/смысловой/идейной нагрузки, мы старались ответить на вопросы: когда и кем, с каким сюжетом и с каким умыслом создавалось

данное произведение, а также какие вневременные, общедоступные любому человеку смыслы оно призвано нести.

Второй линией нашего исследования было обнаружение механизма функционирования аномалии внутри общества посредством анализа образов. Когда гоморомантичность появилась? Чем обусловлено это появление? Насколько распространена она в обществе и каково отношение к ней носителей данной культуры?

Стоит отметить, что в отличие от гомосексуальности как таковой, которая является чисто природным механизмом защиты потомства а также естественного отбора, как ни странно, гомосоциальность и гоморомантичность является полностью спродуцированным элементом, имеющим, разумеется, и биологические обоснования такие как привязанность, влечение, заботу о потомстве и так далее - но тем не менее осознаваемую и репродуцируемую. Это - другая сторона монеты, именуемой нами концепт Настоящей Любви - романтический концепт, один из самых влиятельных концептов в современном обществе. На сегодняшний день является генерализованным рычагом человеческих отношений. Да, как бы ни было естественно поведение людей, вступающих в романтические отношения, сам концепт, отвечающий за регулирование этих отношений в обществе существовал задолго до рождения каждого из индивидов этого общества. А передаётся он им уже в готовом виде - в виде моделей поведения и паттернов, в виде подсознательного наследия и так называемых “родовых программ” от институтов социализации, родителей, окружения. А потому и понятия как, кого и для чего должен любить индивид и к кому и к чему будут направлены у него романтические чувства довольно в значительной части детерминируется общественной парадигмой. И речь идёт даже не столько о религии, сколько о традиции.

Следуя данной логике можно сделать парадоксальный вывод: а что если та степень идеализации и социального поощрения, которую наша

христианская культура приписала гетероромантическим отношениям и концепту “**true love**” (настоящей любви) и самурайская любовь в древней Японии это суть проявления одного и того же концепта? Ведь все признаки говорят нам именно об этом. И, если взять эту простую в сущности гипотезу за основу, то выводы, которые за этим последуют весьма интересны с точки зрения роли антропологических аномалий в культуре. Может статья, совсем неслучайно одна из самых главных тем в японской литературе - это любовь юношей. Ведь самый часто повторяющийся нарратив это как раз и есть тот нарратив, который культура закодировала как социально желательный. И стало быть, в таком ключе - совсем неслучайно именно гоморомантичность “завезли” из Китая в далёком веке? Тогда стоит, пожалуй, более подробно присмотреться и к такому, казалось бы, простому и родному для нашего восприятия концепту Истинной Любви.

Концепт, описываемый нами здесь имеет название **True Love concept**. Именно этот концепт ответственен за наши полусознательные реакции на те или иные формы романтического влечения. Мы верим в естественность или противоестественность каких-либо отношений не потому, что они в действительности таковы. Ведь, если мы посмотрим на природу - самую естественную из сред, то всё, что мы там увидим абсолютно естественно, однако же никак не вписывается в некоторые наши нормы, оно кажется нам скорее аномалией, чем наше собственное поведение, которое, строго говоря, есть самое неестественное в живой природе. Мы верим в естественность и нормальность чего-либо и в ненормальность и аномальность другого в сфере чувственных явлений именно из-за существования такого концепта как Настоящая Любовь. И большинство людей даже не осознают того огромного влияния, которое оказывает на них этот концепт. Этот концепт служит многим целям солидаризации общества и обеспечения его безопасного процветания. Но в то же время он служит и мощным маркетинговым ходом, а также является

предметом одним из самых больших спекуляций наряду с другими таким концептами вроде Вечной Жизни, Освобождения и некоторых других. На данном концептуальном материале построена большая часть рекламных ходов и торговых предложений.

Концепт Настоящей Любви - это в действительности величайшая “Удочка” в истории человечества. Дело в том, что Любовь, являясь основным концептом практически у всех народов играет роль базовой психической а также физиологической потребности у человека. И дело даже не в том, что ему, якобы, необходимо заниматься сексом регулярно. Всё дело в социальной природе человека. То же самое происходит и в других биологических группах.

Любовь в данном случае есть ничто иное как форма сложной психической энергии - во-первых. Идеальное средство установления **гомосоциальных и гомогенных** связей (под гомогенными мы разумеем, что это связи могут быть как гомосоциальными, так и гетеросоциальными, но отличие их от гетероромантических и гетеросоциальных связей в концепции True Love в том, что они по своей природе являются универсальными, основанными не на половых различиях, а как-бы отрицающие наличие этих самых различий и базирующихся на общих для вида ценностях). Гомогенными в таком понимании, к примеру, были раннехристианские связи, где в общину входили как мужчины, так и женщины - в отличие от позднего иудейского сообщества, где женщины не имели доступа к основным религиозным ценностям и как бы считались политически и религиозно “мертвыми”.

В работах Сайкаку мы неожиданно натолкнулись на то, чего никак не ожидали увидеть в японской культуре: это сформировавшийся *идеал* гомороматических отношений. А что такое идеал? Идеал это показатель конкретной, оформленной, живой и функционирующей стимулирующей идеи внутри конкретного общества. Идеал - это то, что связывает и это

человека и данное конкретное общество с Идеей Божественного. Это та невидимая нить, что приближает человека к Творцу, какой бы веры не придерживались люди, населяющие социум. И если иудео-христианская цивилизация пошла по пути отторжения гомосексуальности и возвеличивания, возведения в культ, то есть буквально “культивирования” гетероромантической любви, то греческая цивилизация и японская культура пошли обратным путём - путём отрицания гетероромантической парадигмы (которая не могла установиться в связи с существующей социальной структурой) и утверждения в качестве идеала парадигмы гоморомантической. Этот простой вывод позволит нам, будучи обоснованным и подкреплённым на практике в примерах, значительно пересмотреть как наше антропологическое видение проблемы сосуществования различных эталонных романтических, так и наши взгляды на то, чем является японская культура по своей сути, какая она в деталях и что ею движет. Ведь воспринимая её так, будто бы Япония это - ещё одна христианская держава, мы на самом деле рискуем не понять её вовсе или отдалиться от этого понимания далеко.

Однако не всё так гладко. Как только мы абстрагируемся от эталонного образа, то выяснится, что это - не единственная существующая романтическая идея в японском искусстве. Покоя не даёт вопрос о самом размышлении японского автора: какая любовь лучше - женская или мужская? И, хотя ответ однозначен и категоричен, всё же само наличие и сама постановка такого вопроса говорит о гетероромантической тенденции как о равноправной относительно гоморомантической. Что сейчас начинает формироваться в европейском и американском сообществе. Тем не менее баланс этих двух тенденций в обществе весьма неодинаков и зависит от фактора гетеросоциальной активности. Так зарождается наша вторая гипотеза: предположительно, чем выше уровень развития гетеросоциальных контактов, тем менее выраженным становится

гоморомантизация культуры. И наоборот.

Если мы обратимся в континуальной перспективе к степени вариаций ценностных предпочтений общества от гомосоциальных к гомогенным, то получим кривую типа “волна”. То есть в рамках примерно одного-двух столетий происходит смена доминанты. И если считать, что предыдущий этап, гребень волны был гомомоциальным - то есть имеющим чёткое разделение по гегемонному гендерному признаку, то нынешний этап можно охарактеризовать как стремящийся к гомогенному. Это будет видно на графике, типа  $y=g(x)$ , где  $t$  будет означать время, а  $x$  - пространство возможностей (или пространство событий), где верхняя максима будет означать гомогенную структуру общества, а минимальное значение по оси  $x$  - гомосоциальную структуру соответственно. Таким образом

Для получения конечной искомой величины простой линейной функции и даже функции  $y=g(x)$  может быть недостаточно. Впрочем, чтобы объяснить функциональную структуру типа “качели” это идеальный вариант.

Для работы с полученными данными мы создали свой уникальный, концептуально обусловленный метод. Он позволит нам наиболее точно обработать данные с наибольшей пользой для смежных и последующих исследований. Эта нехитрая схема предполагает объяснение смены гегемоний, а также отвечает на вопрос почему - почему женщины, бывшие некогда гегемонной частью гендерной структуры в некоторые прошлые стадии развития глобальной современной культуры обладали столь малыми правами, а также почему в другие периоды развития ущемление женщин как будто бы не было - то есть оно не казалось нам чем-то самоочевидным (что является основным аргументом противников феминизма “мол, женщинам и так было хорошо - чего они на работу-то пошли?”). Ответ прост: в те точки своего развития, которые находятся посередине графика,

Также мы сделаем предположение, что степень при каждой такой



встрече гендерных прав неодинакова. Так, настоящее положение распределение гомогенных характеристик среди мужчин и женщин выше, чем в предыдущий этап опущения графика и это естественно, ведь амплитуда волны имеет свойство расширяться.

Причём, достижение пиковой точки максимы в одну из сторон вовсе не означает, что культура стала гомогенной то есть по сути гуманистической либо же полностью гегемонной или гомосоциальной, что означает ни что иное как процветание тоталитаризма в обществе. Просто чаша весов может качнуться в эту сторону, а может нет. График вообще может замереть и пойти по прямой - это может быть несколько десятков лет или даже столетий, или даже тысячелетий, но в конце концов рано или поздно, как уже не раз бывало в человеческой истории, эти весы раскачиваются, чтобы затем снова замереть и вновь качнуться в какую-либо из сторон.

Подобный же график мы составили для конкретной истории развития японского гоморомантического искусства.

Помимо этого мы используем теорию концентрических кругов применительно в континуальном аспекте.

Если мы станем воспринимать время внедрения какой-то культурной идеи, ранее несвойственной для уже сформировавшейся или не полностью сформированной культуры как эпицентр круга, то сможем представить себе этот процесс в его реальном течении. Когда зерно культуры попадает на почву оно проникает внутрь неё, вызывая волны, которые реорганизуют прежнюю структуру или изначально организуют её.

Потом, если культура достаточно вызрела, из семя в земле вырастает сначала древо культуры, а затем оно даст плоды, которые человечество будет считать своим.

В такой концепции может ли быть, что то, что уважаемая профессор Рут Фултон именуется Этосом культуры есть не более, чем ландшафт, на

котором произрастают семена? А ландшафт этот является отжившим наследием прежней культуры - культуры имевшей иные ценности в своём зерне? То есть то, что Рут описала в своей работе как Этос Японской культуры на самом деле было ранее культурным семенем и дало свои плоды, но в предыдущей культурной формации, возможно, оно было деревом культуры более ранней цивилизации, поскольку к моменту заимствований из Китая, японская культура уже остро нуждалась в новом культурном ядре, что и объясняет, почему новые изменения были восприняты так органично и так желанно (возможно, не всеми и не везде и на это понадобилось время, но тем не менее культурное зерно дало новую культуру, совсем не такую, какой она была до этого периода.).

Можно назвать это “культурным семенем”.

Как ни странно, эта теория вполне сопоставима с тем мифологическим рядом, который существует в человеческой культуре христианского толка. Семя - плод - древо познания.

Другой тип графика, который мы можем предложить для анализа данных этого исследования это линейный график, демонстрирующий внедрение и вызревание “зерна культуры”. Этот график представляет собой линейную систему, где повышение или понижение уровня точек по оси x отображает ключевые события, подобные всплеску, где максимальные значения коррелируются с наиболее значимыми событиями культуры, как смена этоса. Амплитуда значения может колебаться, к примеру, от 0 до 10, где 10 - внедрение нового этоса в смысле внедрения новой основополагающей идеи, которая влечёт за собой существенное изменение цивилизационной программы. На этом этапе происходит декодирование. Иные события, не имевшие таких значимых последствий, но также имеющие своё значение на шкале также отмечаются на графике.

В данном исследовании мы можем применить этот график в отношении найденных гоморомантических образов, чтобы

проанализировав график, найти закономерности в частоте таких образов и их качестве, быть может, обнаружив корреляцию между интенсивностью появления образов, их частотой и значимостью и основными событиями культуры народа и его истории.

Так как наша система измерений крайне нестабильна, то методы квантовой физики могли бы быть здесь очень полезными. Единственная трудность данного уравнения это правильная установка параметров и корректное сопоставление их с физическими величинами, при таком подходе, если это удастся сделать, указанное уравнение становится средством, подобно тому как квантовая физика отыскивает предполагаемое положение искомого электрона в месте уплотнения материи атома, мы сможем отыскать место на графике искомой точки нахождения стадии культуры по характерным событиям или мировоззренческим тенденциям или...художественным образам, по их частоте и плотности объёма, стоит лишь верно определить параметры.

Известно, что частота и выраженность образов того или иного архетипа-концепта свидетельствует об определённых тенденциях в развитии общества и его индивидуумов. Этот тезис мы и будем использовать, когда речь пойдёт о соотношении динамики образов антропологических аномалий в японской культуре со степенью развитости культуры а также конкретным отрезком пути её следования от полной гомосоциальности к гомогенности социума. Разумеется, такое разделение будет различным как при описании бытия отдельной культуры, так и при составлении общего усреднённого графика для всех известных культур - то есть для обозначения неких уже свершившихся и подтверждённых тенденций (которые имеют особенность повторяться) для культуры современного вида человечества в целом, что наконец, сможет дать нам наиболее полные и конкретные результаты, позволяющие наглядно

оценивать некоторые важные аспекты культуры и делать новые выводы.

## **Выводы**

Культура военизированной самурайской Японии претерпела к настоящему времени значительные изменения. Фактически сейчас эта культура скорее гетеронормативна, её установки и меры, принимаемые правительством говорят об этом. Этого ясно говорит нам о том, что этос культуры претерпел изменения. Но кто и когда внёс эти изменения? Предположительно они были внесены во время реставрации Мэйдзи (1868-1912) посредством европеизации. То есть так как новые нормы “завезены” из Европы, то преимущественно они будут носить всё один и тот же устойчивый эталон культуры. И это находит подтверждение в искусстве. И если гоморомантическое стремление уже не является эталонным, как в XVII веке, то его должно было сменить другое. Например, гетероромантическое или вообще асексуально-романтическое - такое, как чувство долга, которое всегда было присуще японцам и которое столь ярко проявляется каждый раз, когда мы говорим о движущей силе, о мощи того или иного народа, порождённого своей культурой.

Однако стоит заметить, что несмотря на некоторое пересмотрение нами взглядов предшественников (что естественно для науки) мы ни в коем случае не берём пока на себя смелость опровергать или указывать на ошибочность или напротив - безоговорочную правильность каких-либо теорий.

Во-первых, каждому времени и ландшафту и следовательно - каждому конкретному исследователю как человеку с определённым набором качеств так или иначе соответствует определённая логика исследования. Во-вторых, истина рождается в споре. И именно это

побуждает нас высказывать смелые предположения, иные точки зрения на уже, казалось бы, устоявшиеся понятия. И если в дальнейшем они подтвердятся или опровергнут себя справедливо, а также если они окажут пользу другим исследователям, которые пойдут теми же путями, что и мы, мы будем только рады.

## **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

В рамках данной работы мы проанализировали динамику образов антропологической аномалии гоморомантичность в истории японского

искусства.

*Объектом исследования* были художественные образы антропологических аномалий. *Предметом* Динамика художественного образа гоморомантичности в японском искусстве.

*Целью* данной работы было выявление закономерностей в специфике отношений между антропологической аномалией гоморомантичности и её культурой-носителем посредством изучения художественных образов.

В ходе работы нами были выполнены следующие *задачи*:

1. Изучить и описать специфику антропологических аномалий, историю их изучения, а также их континуально обусловленную динамику.

2. Проанализировать выраженность выбранной условной культур-антропологической аномалии - гоморомантичность - в мировом искусстве.

3. Проанализировать динамику образов выбранной антропологической аномалии в контексте исторического развития форм искусства конкретной культуры Японии. Обработать полученные данные и сформулировать гипотезы относительно возможной корреляции динамики художественных образов и динамики форм изучаемой культуры.

Весьма удивительными оказались выводы, сделанные нами в ходе изучения гоморомантической аномалии в истории искусства Японии. Дело в том, что система взглядов, которая существовала до сих пор в отношении изучения Японской культуры в большинстве случаев в корне неверна. Современные российские исследователи часто рассматривают японскую культуру таким образом, каким бы они это делали с европейской культурой. Это расхожее заблуждение связано с представлением о том, что Япония до Мэйдзи и Япония после Мэйдзи - это всё та же совершенно Япония, только лишь облачившаяся в западные одежды. Но это всё же не так. Дело в том, что Япония XVII века и современная Япония это два разных государства, предположительно имеющих разный этос. Несмотря на то, что Япония сумела “законсервировать” свою богатую духовную и материальную

культуру, а также пройти процесс умелого брендинга, ей не удалось пронести сквозь века тот образ мышления, который был свойственен раннефеодальному государству. И дело тут не только в изменении условий существования (хотя они разительно изменились и в лучшую сторону, конечно и это отчасти повлияло на благополучие граждан страны Восходящего Солнца), но и в существенном изменении самого ядра культуры. Исследование показывает, что изменился сам характер народа, его внутренние мотивы претерпели некоторые изменения. И потому нельзя считать будто уклад страны совсем не изменился. Может мобильность японского этоса не так заметна, как мобильность некоторых других культур, но она, безусловно есть, хотя похоже на то, что она намеренно скрывается под старыми масками традиций. Точь-в-точь, как актёры театра Но.

Мы предложили новую методику анализа результатов качественных исследований для гуманитарных наук.

В перспективе развития данной работы, мы думаем использовать методы математических функций для более точного и детального выражения колебаний исторических событий и форм развития культуры. Для этого планируется задать определённую шкалу событий, где отклик и сила континуально продолженных волн были бы условно соизмеримы с положением максимы на графике. Таким образом нам удастся воссоздать по имеющимся источникам условно достоверную картину исторического развития различных культурных доминант. Этот метод, разработанный нами в данном исследовании для изучения истории культуры и истории искусств, может быть полезен и для других гуманитарных дисциплин.

Простота и наглядность данного метода смогут стать отличным подспорьем в изучении непонятных культурных явлений. При достаточно долгом применении, станет возможным также прогностическая функция подобных графиков и открытие так называемых “белых пятен” в истории

искусства и истории человечества в целом.

### **СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

1. Астон В. Г. История японской литературы. A History of Japanese Literature. Владивосток. 1904.
2. Батлер Дж. Феминизм под любым другим именем. Интервью с Розы Брайдотти // Гендерные исследования. №2, 1999.
3. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. М. Н. Корнилова, Е. М. Лазаревой и В. Г. Николаева — М.:



- Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
4. Братусь Б. С. Аномалии личности. Мысль. 1988.
  5. Бреславец Т. И. Литература модернизма в Японии : монография. — Владивосток : Дальнаука, 2007. — 255 с.
  6. Бреславец Т. И. Формы языка и формулы речи в средневековой японской поэзии // Вестн. Дальневост. отд-ния Рос. акад. наук. — 2002.
  7. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя. 2001.
  8. Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
  9. Гончаров С. А. Гуманитарные технологии в образовании и социальной сфере. Соционика, ментология и психология личности. 2008. № 5 (55). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. С. 9-15.
  10. Горегляд В. Н. Японская литература VIII—XVI вв. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
  11. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979.- 368  
Долин А. А. Японский романтизм и становление новой поэзии. М., 1978.
  12. Елисеев С. Е. Японская литература // Литература Востока : журнал. — Петроград, 1920. — № 2.
  13. Вардаман Джеймс М. , Вардаман Митико С. Япония от А до Я: скрытые тайны повседневной жизни / ; пер. с англ. А.М.Лазарева.
  14. Гишинский Я. И. Творчество: норма или отклонение? //Социологические исследования. – 1990. – №. 2. – С. 41-49.
  15. Глушкина А. Е. Заметки о японской литературе и театре. М., 1979.
  16. Денисова А.А. Гомосоциальность. Статья. Тезаурус терминологии гендерных исследований. - М.: Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты. А.А. Денисова 2003.

[www.owl.ru/gender/361.htm](http://www.owl.ru/gender/361.htm)

17. Джаманова Н. В. Языковые аномалии в идиостиле Дж. Фаулза как воплощение постмодернистского понимания общеэстетической категории прекрасного // Вестник Омского университета. 2013. №. 3 (69)
18. Долин А. А. Японская поэзия на Западе: перевод-стилизация-адаптация. // Взаимодействие культур Востока и Запада. М., 1987.
19. Жуковский В. И. Жизненная необходимость искусства: монография. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. — 280 с.
20. Жуковский В.И., М.В. Тарасова, М.Г. Смолина и др. Образовательная функция художественной культуры: монография / — Красноярск: СФУ, 2013. — 221 с.
21. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В. Интеллектуальная визуализация сущности: Учебное пособие. — Красноярск: Изд. Краснояр. ун-та, 1999. — 223 с.
22. Жуковский В. И., Тарасова М. В. Коммуникативные основы художественной культуры : монография / М. В. Тарасова, В. И. Жуковский; М-во образования и науки Рос. Федерации, Сиб. федерал. ун-т. — Красноярск: СФУ, 2010. — 144 с.
23. Жуковский В. И. Теория изобразительного искусства: монография. — СПб.: Алетейя, 2010. — 412 с.
24. Жуковский В. И. Теория изобразительного искусства: тексты лекций. Ч. 1 / Владимир Жуковский ; М-во образования Рос. Федерации, Краснояр. гос. ун-т. — Красноярск: КГУ, 2004. — 170 с.
25. Жуковский В. И. Теория изобразительного искусства: тексты лекций. Ч. 2. Методология истории искусства : учебное пособие / Владимир Жуковский; М-во образования Рос. Федерации, Краснояр. гос. ун-т. — Красноярск: КГУ, 2004. — 198 с.

26. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социология гендера // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие /Под ред. И. А. Жеребкиной - Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 157.
27. Иваненко Н. Г. Ихара Сайкаку и его сборник новелл «Эйтайгура». // Историко-филологические исследования. М., 1967.
28. Келли Г. Основы современной сексологии. СПб.: Питер, 2000; Воронцов Д. В. Что такое гендер // Практикум по гендерной психологии /Под ред. И. С. Клециной. - СПб.: Питер, 2003. С. 28.
29. Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. — М.: Изд-во Эксмо, 2004.
30. Кон И. С. Мальчик - отец мужчины. Статья. М.: Время. 2009. 703 с.
31. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся современном мире. Этнографическая мозаика. ЭО. 2010., №6.
32. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. Статья. М.: Время, 2009. 495 с.
33. Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М., 1973.
34. Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. Репринтное издание. Автор послесл. Б. Л. Рифтин.- М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
35. Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. — Ленинград, 1927. Т. 1.
36. Копцева Н. П. Введение в алетологию. — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2002.
37. Н. П. Копцева. История религии: конспект лекций /рук. творч. коллектива — Красноярск: ИПК СФУ, 2008. — 390 с.
38. Копцева Н. П., Резникова К. В. Теория культуры: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 033000 «Культурология» (490000 «Культуроведение и социокультурные проекты»). — Красноярск: СФУ, 2014.

- 39.Копцева Н. П., руководитель авторского коллектива: Бахова Н. А., Замараева Ю. С., Кистова А. В. и др. Социальная (культурная) антропология: учебное пособие. — Красноярск: СФУ, 2011.
- 40.Копцева Н. П. Основные философские концепции истины: историко-философские и религиоведческие очерки. — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. — 314 с.
- 41.Копцева Н. П. Философия. Истина как цель и смысл: введение в алетологию: монография. — Красноярск: СибГТУ, 2003. — 192 с.
- 42.Кософски-Седжвик, Ева . Между Мужчин: английская литература и мужское гомосоциальное желание. 1985.
- 43.Курахара К. Статьи о современной японской литературе. М., 1959.
- 44.Лурье С. Я. Геродот. Москва-Ленинград, Издательство АН СССР, 1947.
- 45.Львова И. Л. Заметки о современной японской литературе // Иностранная литература. 1959. № 4.15.
- 46.Льюис Клайв Стейплз. Любовь. Пер. Трауберг Наталья Леонидовна. М.: Изд. Эксмо 2011.
- 47.Литература Китая и Японии. Восток. Сб.1. М., 1935.
- 48.Логунова В. В. О некоторых тенденциях в развитии современной японской прозы // Проблемы Дальнего Востока, 1972. № 1.
- 49.Логунова В. В. Писатель и время. Реализм и модернизм в японской литературе. М., 1961.
- 50.Львова И. Л. Заметки о современной японской литературе // Иностранная литература. 1959. № 4.
- 51.Мамонов А. И. Свободный стих в японской поэзии. М., 1971—192 с.
- 52.Мураками Х. Кафка на пляже: роман/ пер. с яп. И. и С. Логачёвых. М.: изд. Эксмо. 2009
- 53.Мураками Х. Мой любимый sputnik: роман. - М.: изд. Эксмо. 2004.
- 54.Ноздренко Е. А., Копцева Н. П. Система культуры: новые

- детерминанты. Реклама как фактор современного культурно-исторического процесса. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. — 156 с.
- 55.Петри Э.Ю. Антропология. Основы антропологии. Т. 1 . - С.-Пб.: Картогр. заведение А. Ильина, 1890. - 609 с.
- 56.Пинус Е. М. Человек в старой японской литературе // Теоретические проблемы восточных литератур М., 1969.
- 57.Пинус Е. М. Человек и мир в современном японском рассказе // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока М., 1970.
- 58.Радбиль Т. Б. Норма и аномалия в парадигме" реальность-текст" //Филологические науки. – 2005. – №. 1. – С. 53-63.
- 59.Рехо К. Русская классика и японская литература. М., 1987.
- 60.Рехо К. Современный японский роман. М., 1977.- 304 с.
- 61.Сайкаку, Ихара. Новеллы. М.: изд. “Художественная литература”. 1984.
- 62.Сикибу, Мурасаки. «Повесть о Гэндзи», эпоха, автор // Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моноготари). Приложение. Вступ. ст., сост., пер. с яп. стихотворных текстов Т. Л. Соколовой-Делюсиной / Отв. ред. Т. П. Григорьева. — М. : Наука, 1992. — С. 3—49. — 192 с. — ISBN 5-02-016877-7.
- 63.Сикибу, Мурасаки. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моноготари). Кн. 1. Пер. с яп. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.- 330 с.
- 64.Такахаси Т. Гэндзи- моноготари-но моно-но кэ то синтэки энкинхо (Духи мононо-кэ в “Гэндзи моноготари” и психологическая перспектива): Религия и литература в Японии.
- 65.Цветов В. Гангстеры на экране и гангстеры в жизни // «Мафия по-японски». Серия «Владыки капиталистического мира». — Москва:

- Политиздат, 1985. — С. 45-46.
- 66.Чегодарь Н. И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М., 2004.
- 67.Шефтелевич Н. С. Новая японская поэзия: Симадзаки Тосон. М., 1982.
- 68.Ярская-Смирнова Е. Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие /Под ред. И.А.Жеребкиной - Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 40.
- 69.A Glossary of Feminist Theory. Ed. by Sonya Andermahr, Terry Lovell and Carol Wolkowitz London: Arnold; New York:Oxford University Press, 2000. P.103-104.
- 70.Anne Walthall. Review of Pflugfelder, Gregory M., Cartographies of Desire: Male-Male Sexuality in Japanese Discourse 1600-1950. H-Japan, H-Net Reviews. May, 2000.
- 71.Babcock, Barbara A. "Not in the Absolute Singular." In Women Writing Culture, edited by Ruth Behar and Deborah A. Gordon, pp. 104-130.Berkeley,Calif., 1995.
- 72.Benedict, Ruth. "Anthropology and the Abnormal," Journal of General Psychology, Vol. 10, pp. 59-82. 1934.
- 73.Benedict, Ruth. "The Puzzling Moral Code of the Japs," Science Digest, Vol. 21, pp. 89-92, 1947.
- 74.Benedict, Ruth. The Chrysanthemum and the Sword, Palterns of Japanese Culture, 324 pp., Houghton, Mifflin Company, Boston. 1946.
- 75.Benedict, Ruth.Review: The Sexual Life of Savages by Bronislaw Malinowski, Books (New York Herald Tribune Weekly Book Review), July 28. 1929.
- 76.Susan Bordo. Feminism, Postmodernism, and Gender-Scepticism // Feminism / Postmodernism. Ed. By Linda Nicholson. New York and

- London: Routledge. 1990.
77. Boswell, John (1995). *Same-Sex Unions in Pre-Modern Europe*. Vintage Press.
78. Caffrey, Margaret M. Ruth Benedict. *Stranger in This Land*. Austin, Tex., 1989.
79. DeAngelis M. (editor) *Reading the Bromance Homosocial Relationships in Film and Television*. Pages - 328 Wayne State University Press
80. Elliott, Tim (2007-08-23). "A grand bromance". *The Age*. Retrieved 2008-10-28.
81. *Envisioning The Tale of Genji: Media, Gender, and Cultural Production : [англ.]* / Edited by Haruo Shirane. — Columbia University Press, 2008. — 416 p.
82. *Feminist Philosophy // The Cambridge Dictionary of Philosophy* / Edited by Robert Audi. - 2nd ed. Cambridge University Press, 2001. P. 307.
83. *Gay love in Japan - World History of Male Love*.
84. Gayle Rubin. *The Traffic in Women: Notes on the "Political Economy" of Sex // The Second Wave. A Reader in Feminist Theory*. Ed. By Linda Nicholson. N.Y. and L., Routledge. 1997. P.26.
85. Hagakure, *The Book of the Samurai*, Yamamoto Tsunetomo, Translated by William Scott Wilson, Kodansha International Ltd., 1979.
86. Haruo Shirane, ed. (2002). *Early Modern Japanese Literature: An Anthology, 1600—1900*. New York: Columbia University Press.
87. Hibbett H. (1959). *The Floating World in Japanese Fiction*. Vermont, Japan: Charles E. Tuttle Company.
88. *Japanese Folktales - Yamato-Takeru Slays the Kumaso Brothers*. John K. Gillespie, ed. (1993). *Japan: A Literary Overview*. New York: Council on National Literatures.
89. Leupp, Gary. *Male Colours: The Construction of Homosexuality in Tokugawa Japan*. Los Angeles, California: University of California Press,

1997.

90. Miner, Earl Roy, Odagiri, Hiroko, and Morrell, Robert E., *The Princeton companion to classical Japanese literature*, Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1985.
91. Ogata, Elizabeth Floyd. «Selectively Out: Being a Gay Foreign National in Japan». (2001-03-24)
92. *Reading The Tale of Genji: Sources from the First Millennium* : [англ.] / Edited by Thomas Harper and Haruo Shirane. — Columbia University Press, 2015.

## **ПРИЛОЖЕНИЕ А**

Рисунок А. 1 - Миягава Иссё. Мужчина и юноша. Какэмоно. 1750.

Щёлк, суми, краски, гофун. Частное собрание.





Федеральное государственное автономное  
образовательное учреждение высшего образования  
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт  
Кафедра культурологии

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

Н.П. Копцева

« 20 » июня 2017 г.



**МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ**

50.04.03.01 Проблемы теории, методологии и художественной  
практики

ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ  
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ АНОМАЛИЙ В ИСТОРИИ МИРОВОГО  
ИСКУССТВА

Научный руководитель

к.филос.н, доцент К.В. Резникова

Выпускник

К.А. Кичеева

Рецензент

А.И. Сокульский

Красноярск 2017

Продолжение титульного листа МД по теме «Динамика художественных образов антропологических аномалий в истории мирового искусства».

Нормоконтролер



Е.А. Сертакова